
ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Париж, Монмартр.
Фото Г. Боровика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 13 (1710)

27 МАРТА 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На первой странице обложки: Герой Социалистического Труда Виталий Павлович Лагутенко.

Фото А. Узляна и С. Фридлянда.

На последней странице обложки: Утро.

Фото В. Рождественского.

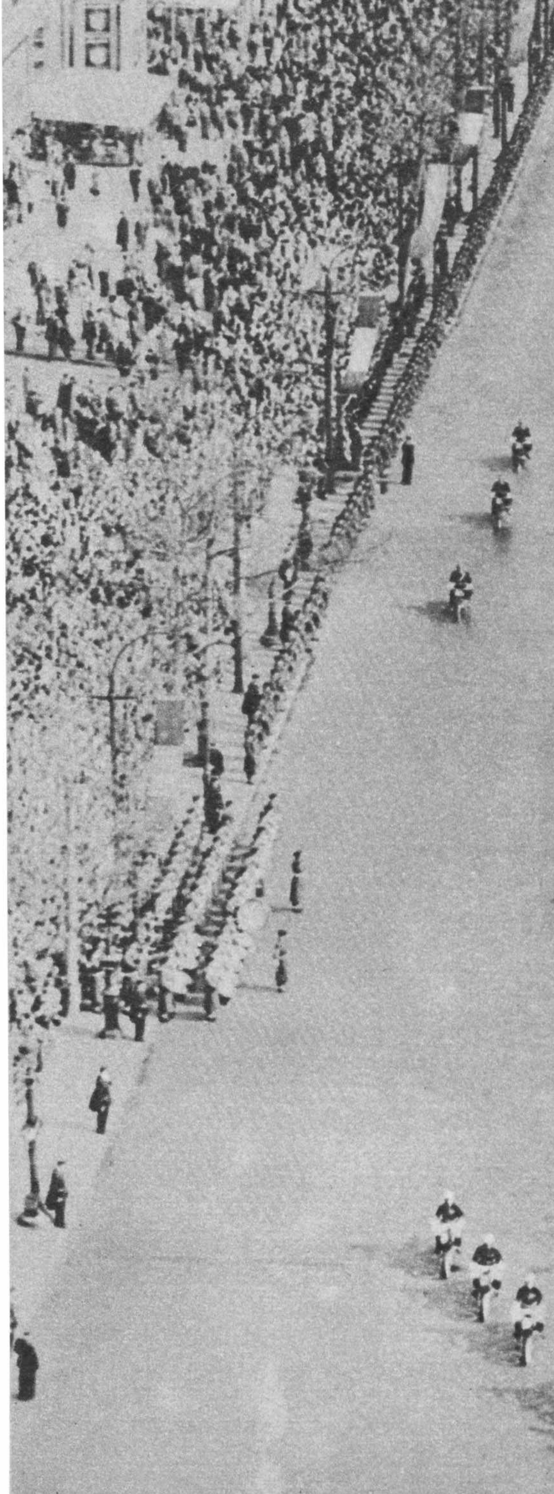
(С Всесоюзной выставки фотоискусства.)

QUE NOS ENFANTS NE CONNAISSENT JAMAIS LE BRASIER DE LA GUERRE

ФРАНЦИЯ ВСТРЕЧАЕТ Н. С. ХРУЩЕВА

ПУСТЬ НАШИ ДЕТИ НИКОГДА НЕ УВИДЯТ ПОЖАРА ВОЙНЫ

СОВЕТСКИЙ НАРОД ХОЧЕТ ДРУ

РАСЧИСТИМ НАШУ ЧУДЕСНУЮ ЗЕМЛЮ ОТ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНЫХ ВОЕННЫХ ВРЕМЕН

НА СНИМКАХ:

После возложения венка на могилу Неизвестного солдата. Н. С. Хрущев пожимает руки бывшим фронтовикам.

Кортеж машин движется по Елисейским полям.

Тысячи парижан приветствуют гостя из Советской страны — посланца мира и дружбы между народами.

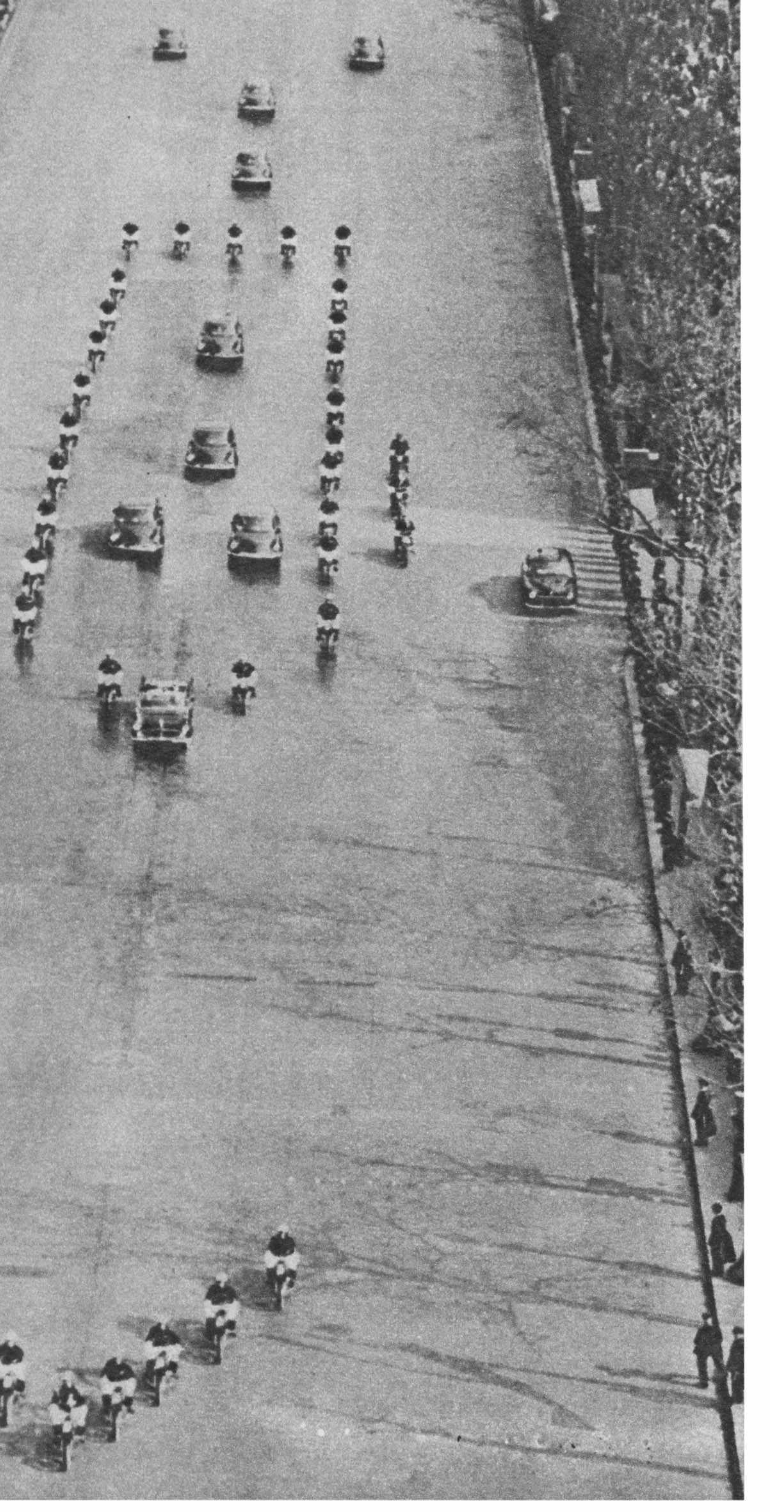
Н. С. Хрущев и генерал де Голль на улицах французской столицы.

Марсель РОК,
французский журналист

Премьер Хрущев в Париже...

Новый климат потепления, все сильнее дающий себя знать на международной арене, словно отразился в этом солнечном весеннем парижском дне. Париж бурлит, его улицы полны народа. Ожидание приезда Никиты Хрущева, затянувшегося на несколько дней, вылилось в искреннее воодушевление, проникнутое доверием и надеждой.

Уже кончилась официальная церемония встречи, отзвучали один за другим Гимн Советского Союза и «Марсельеза», отданы воинские почести главе правительства великой Советской державы, произнесены Президентом де Голлем и Н. С. Хрущевым первые приветственные речи. Советский гость проследовал в свою резиденцию на Кэ д'Орсэ, сопровождаемый по всему пути приветствиями, улыбками тысяч людей. И уже доходит до парижан то главное, что прозвучало в словах Хрущева на Орли. Люди обмениваются мне-

ЖИТЬ С НАРОДОМ ФРАНЦИИ

ниями, выделяя из его речи то, что нашло путь к сердцу каждого француза.

Возле дворца министерства иностранных дел, где людская масса все густеет и густеет, слышны возбужденные реплики:

— Он сказал, что приехал не как турист, приехал с добрыми чувствами, с желанием укрепить дружбу французов и русских...

— А как он говорил о проржавевших неразорвавшихся бомбах мировой войны! Опасно выкапывать их из земли, но еще больший риск оставлять их нетронутыми! Здорово сказано!

— Он отдал должное генералу де Голлю, как патриоту Франции, которого уважают советские люди.

— А ведь правда: если Франция и Советский Союз будут ближе держаться друг друга, мир в Европе не удастся нарушить никому...

— Да, это человек, который берет быка за рога. Великолепно!

В толпе, собравшейся у дворца на Кэ д'Орсэ, много корреспондентов. Среди них «ветераны», сопровождавшие Хрущева еще во время его визита в Англию в 1956 году, потом в по-

В Елисейском дворце. Слева направо: Н. П. Хрущева, Ш. де Голль, Н. С. Хрущев, г-жа И. де Голль.

ездке в Соединенные Штаты. Каковы их впечатления от первых часов пребывания советского премьера на французской земле?

Мнение их почти единодушно.

— Прием на аэродроме Орли был торжественным,— говорит один западный корреспондент. — Красочный почетный караул, артиллерийский салют — все это создавало праздничное настроение. Но именно здесь, среди множества парижан, уже чувствуешь тот доброжелательный интерес, который, хотя и не сразу, дал себя знать в Америке по мере того, как американцы узнавали Хрущева и слушали его...

— Первый успех Хрущева во Франции,—сказал другой корреспондент,— это то, что он с первых слов прямо и четко заговорил о главном. Французы знают, что такое война. Он сказал о том, о чем они думают сами: как не допустить новой войны...

Сердечный контакт, который установился между советским гостем и французом «с улицы» в первые часы визита, ощущался в словах Н. С. Хрущева, сказанных им на обеде, данном в его честь в Елисейском дворце Президентом Французской Республики. В ответ на заявление генерала де Голля о том, что русский и французский народы всегда чувствовали влечение друг к другу, Хрущев сказал: «Теплая встреча, которая оказана нам здесь, позволяет воочию убедиться в том, что давние традиции дружбы между нашими странами имеют глубокие жизненные корни.

Можно ожидать, что развивающиеся между нашими странами торговые и культурные связи, подобно весенним ручьям, пробьют дорогу сквозь все наносное, случайное и сольются в могучую реку советско-французской дружбы и сотрудничества».

Какой француз не приветствовал в душе тот факт, что в первый день своего пребывания во Франции руководитель Советского правительства отдал дань уважения скромному памятнику безымянного солдата под Триумфальной аркой, одному из тех, кто на полях сражений выполнил свой долг перед родиной и отдал за это свою жизнь!

И еще более живое чувство признательности ощутил народный Париж, когда Н. С. Хрущев поднялся на холм, где стоит старинный форт Мон-Валерьен, ставший для французов символом совсем недалекого героического прошлого. В присутствии множества людей Никита Хрущев, обнажив голову, под звуки оркестра, игравшего «Марш партизан», возложил венок на могилы тех, кто принес Франции немеркнущую славу в годы второй мировой войны. В дни гитлеровского кошмара здесь были казнены оккупантами верные сыны Франции, грозные для врага и дорогие сердцу француза герои Сопротивления. Здесь незабвенный Габриэль Пери отдал свою жизнь за «поющее завтра», за коммунизм — «молодость мира». Какой символичной и в то же время глубоко естественной была эта простая церемония — цветы от советских людей, восхитивших мир своим героизмом, спасших Родину и Европу от нацистской тирании, французам, делавшим то же благородное дело!

Нити незримой связи от сердца к сердцу протянулись дальше, когда в украшенном золотом и гобеленами зале резиденции советского гостя с ним встретились представители ассоциации «Франция — СССР». Здесь все дышало одной мыслью, одной надеждой — укрепить дружбу между двумя великими народами, сотрудничество между двумя большими державами Европы в общем деле укрепления мира.

Делегацию «Франция — СССР» сменяют представители другой массовой французской организации — Движения сторонников мира. Они говорят, что французский народ глубоко надеется, что Н. С. Хрущев и генерал де Голль в своих переговорах продвинут вперед решение важнейших международных вопросов, в особенности мирное решение германской проблемы, глубоко волнующей советский народ и народ Франции.

Великолепные ответные речи Хрущева обеим делегациям найдут глубокий отклик в сердцах французского народа. С разящей иронией говорил Н. С. Хрущев о желчных людях, глядящих на мир через черные очки, боящихся даже слов «дружба народов». Он выразил удовлетворение по поводу того, что принцип мирного сосуществования все более решительно пробивает себе дорогу сквозь все наслоения и нагромождения «холодной войны». Он напомнил крылатые слова Жолио-Кюри о том, что идеи путешествуют без виз. Он сказал: «Коммунисты настойчиво выступают за мир» — и добавил со свойственным ему живым юмором: «По секрету скажу вам, что я тоже коммунист». Но если реакционеры, продолжал он, отождествляют слово «мир» со словом «коммунизм», то это награда коммунистам. И не только к присутствующим в зале делегатам, а и к парижанам, толпившимся у резиденции советских гостей на набережной Сены, были обращены волнующие слова: «Давайте вместе бороться против угрозы новой войны. Наши народы сейчас сильнее, чем перед второй мировой войной, не только духовно, но и материально. И я верю, что если мы объединим усилия, то сможем преградить путь войне».

От сердца к сердцу протягиваются нити симпатии, доверия и надежды. Визит Н. С. Хрущева во Францию будет содействовать великому делу мира, о котором думают, мечтают, которого хотят все народы земли.

Вот почему с таким энтузиазмом приветствуют люди Франции высокого гостя, который принес на берега Сены прекрасные слова дружбы и мира.

Париж, по телефону.

ПОРА БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ

Борис ПОЛЕВОЙ

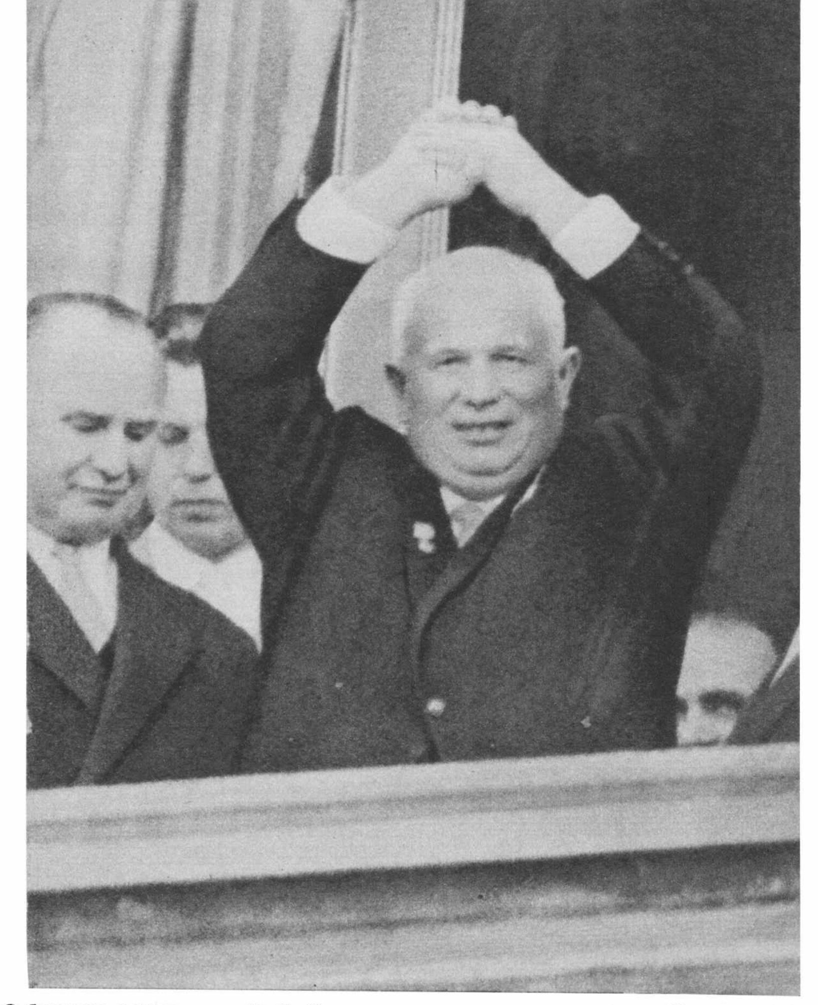
Мне не раз приходилось бывать в Париже, но никогда я еще не видел этот прекрасный город таким взволнованным, каким видели мы его теперь, в дни визита главы Советского правительства. Весенний ветер с Сены пошевеливает пучки трехцветных французских и красных советских флагов, которыми украсились здания.

Газеты, печатающие на первых полосах под огромными кричащими шапками свежие новости о пребывании Никиты Сергеевича, расхватываются мгновенно, тут же, у машин, подвозящих их к продавцам. И всюду, где соберутся вместе несколько даже совсем незнакомых людей — на скамейке бульвара, в вагоне метро, в автобусе, — здесь же возникает оживленный разговор, в котором я обязательно слышу: «Никита Кручев», «Унион Советик»...

Мы приехали во Францию за несколько дней до прибытия Никиты Сергеевича. В газетах еще звучали отзвуки полемики на тему: приезжает Хрущев — хорошо это или плохо? Самые разумные солидные и дальновидные газеты писали: переговоры — это хорошо, сейчас время переговоров; другие — осторожно: посмотрим; и, наконец, третьи не без злорадства сообщали, что во Франции есть немало активных противников визита, что если осуществлению его нельзя помешать, надо демонстрировать свое несогласие, надевая траурные галстуки и черные повязки.

Несколько депутатов от различных городов, лежащих на маршруте поездки, публично, не без расчета на рекламу, пригрозили не присутствовать на церемонии приема советского премьера. Не знаю, осуществят ли они свою «леденящую душу» угрозу или чувство юмора, являющееся одним из свойств французского характера, удержит их от этого. Ясно пока одно, ясно левым и правым, ясно всем, кто не потерял способности видеть и слышать, что уже первый день пребывания в Париже советского гостя стал днем мощной демонстрации стремления восстановить франко-советскую дружбу, демонстрацией симпатий к Советскому Союзу, одобрением политики взаимопонимания и переговоров, проводимой Советским правительством.

Двадцать третьего марта с утра завязался прекрасный день, точно бы парижане, готовясь к прибытию московского гостя, не только украсили свой город флагами, но промыли и протерли небо — такое оно было голубое, глубокое, чистое. И хотя это была среда, обычный будний день, хотя гость прилетел в рабочее время, огромные толпы жителей столицы стояли на пути следования торжественного кортежа, махали навстречу машинам французскими и советскими флагами, скандировали лозунги мира и дружбы.

С балкона резиденции Н. С. Хрущев приветствует парижан, собравшихся у здания.

Вечером я был на приеме, устроенном Президентом де Голлем в Елисейском дворце. Мне довелось познакомиться с рядом редакторов крупнейших французских газет. Один из них, которого никто, даже конкуренты, не могут заподозрить в симпатиях к коммунистам, но в то же время деловой и дальновидный, сказал:

— Английскую королеву Елизавету и президента Эйзенхауэра парижане тоже встречали тепло. Но такого приема, как сегодняшний, еще не было. Можете мне верить. — Помолчав, коллега добавил: — Это больше, чем теплый прием руководителя великой державы. Это — стремление к восстановлению традиций дружбы. Это большой шаг к восстановлению былого величия Франции. Для нас, французов, это дни больших надежд и ожиданий.

Париж, по телефону

Привет другу Франции, защитнику мира!

Фото М. Савина, В. Володкина и Ассошиэйтед пресс.

ОБЫКНОВЕННЫЕ, С

←
АСХАТ ЗИГАНШИН, ИВАН ФЕДОТОВ, АНАТОЛИЙ КРЮЧКОВСКИЙ, ФИЛИПП ПОПЛАВСКИЙ.

НА СНИМКАХ ВНИЗУ:

7 марта 1960 года. С американского авианосца «Кирсардж» заметили баржу. 49 дней провела на ней четверка отважных. Этот снимок сделан еще до того, как американский вертолет снял с баржи советских солдат.

— Спасибо, друг! Справа — лейтенант Гленн Р. Конрад, пилот вертолета, снявшего героев с баржи.

15 марта авианосец «Кирсардж» подошел к Сан-Франциско. С борта авианосца на берег советские солдаты были доставлены на вертолете. Лейтенант Фрэнк Пирс помогает Ивану Федотову надеть спасательный жилет перед посадкой в вертолет.

Самое высокое место в Сан-Франциско — Телеграфная горка. Прогуливаясь по городу, наша четверка поднялась сюда — и они увидели «Кирсардж», который уходил в море...

Напрасно стихии незрячая сила
Их баржу тащила в ненастные дали.
Чем дальше от берега их уносило,
Тем ближе друг друга они узнавали.

Еще до спасения было не близко,
Еще и не снилось усталой четверке,
Что будут их славить Курилы и Фриско,
Что будут встречать их в Москве и Нью-Йорке.

Уже «сапожатину» с горя варили,
Питались мехами гармошки-трехрядки,
Но службу несли, и Устав не забыли,
И строго пеклись об армейском порядке.

И с честью закончили дрейф легендарный,
Опасное выиграли сраженье
Советские двадцатилетние парни
Отнюдь не могучего телосложенья.

А если такое случилось бы, скажем,
Не с этой четверкой, прославленной ныне,
С другими бойцами, с другим экипажем,
Блуждающим по океанской пустыне.

Сердца бы наполнились тою же силой,
Отваги и дружбы негаснущим светом,
И сколько бы их по морям ни носило,—
Они победили бы.
Главное — в этом!

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

ОВЕТСКИЕ!

ОБЫКНОВЕННЫЕ. СОВЕТСКИЕ!

Через несколько дней Родина встретит своих отважных сынов. Из самолета, который приземлится на московском аэродроме, выйдут и ступят на свою, советскую, бесконечно дорогую землю четверо наших ребят, чьему подвигу не перестает удивляться мир.

Мужественный поединок со стихией, с голодом, с жаждой заставляет широко открывать глаза от удивления тех, кто не знает нашей страны, нашего народа. Но мы с вами, соотечественники, знаем, откуда взялось мужество у Асхата Зиганшина, у Филиппа Поплавского, у Анатолия Крючковского, у Ивана Федотова. Ведь они такие же патриоты, как Гастелло и Маресьев, они свято хранят советские традиции и остаются верными им. Как в капле чистой родниковой воды, в их подвиге отразились замечательные черты советского человека.

Мы восхищаемся их славным подвигом. А они, простые ребята, немного смущены тем, что говорится о них.

— Да знаете ли вы сами, какие вы люди?! — спросил их иностранный корреспондент.

И в ответ на этот вопрос он услыхал простой, но удивительно точный и полный гордости ответ Асхата Зиганшина:

— Обыкновенные. Советские!

«Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами»,— написал в телеграмме героям Никита Сергеевич Хрущев.

Эта высокая оценка дана не только им, четверым, но и миллионам таких же, как они, обыкновенных советских людей, всегда готовых к подвигу, таких же мужественных и скромных.

НА СНИМКАХ СЛЕВА:

Тепло принял отважных советских солдат мэр Сан-Франциско Джордж Кристофер (справа). Он подарил им на память золотые ключи от города.

На нью-йоркском аэродроме Айдлуайлд.

Фото Ассошиэйтед пресс.

ТРУД ЛЮБИТЬ СМОЛОДУ!

Фото Н. Федорова.

На всю Винничину славится колхоз имени Сталина, что в селе Городковка, Крыжопольского района. Своими урожаями. Своими фермами. Своими доходами. А недавно прошел слух еще об одном деле, которое там затеяли...

Создали для своей школы образцовое учебно-опытное хозяйство. Лучшие трактористы, животноводы и полеводы учат ребят.

И что ж? Полюбилась работа школьникам. С удовольствием ухаживают за коровами и телятами, приготавливают корма, работают в поле и в слесарной мастерской.

Пригодится в жизни ребятам этот сегодняшний их труд.

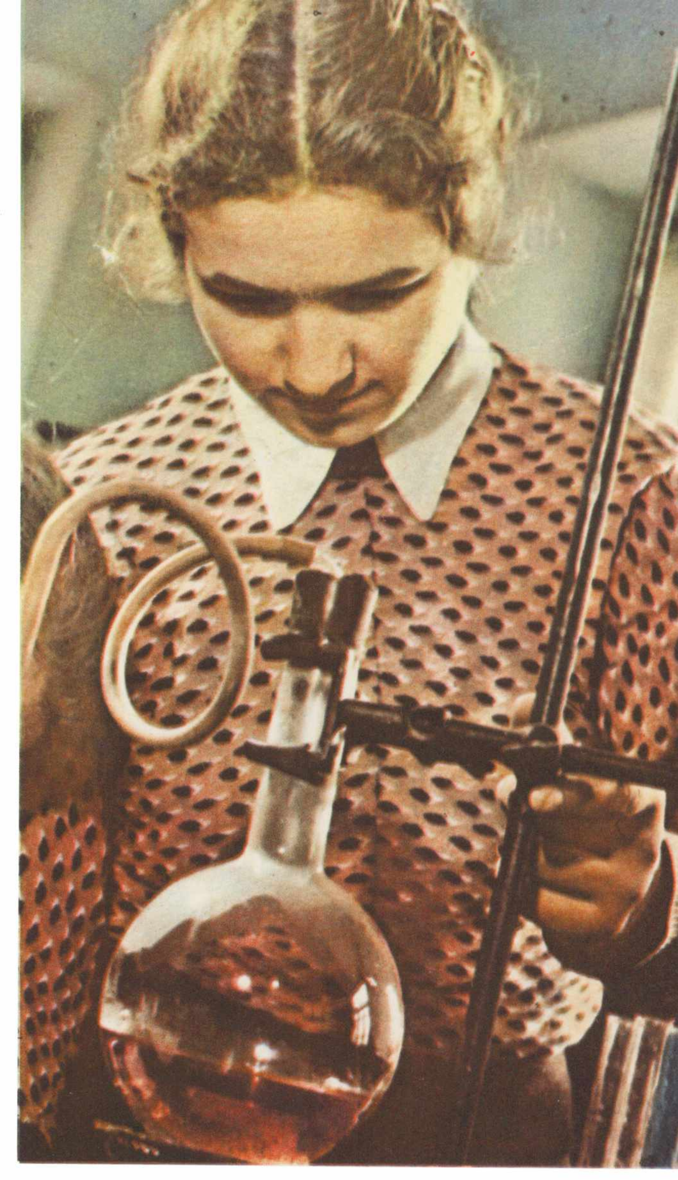
Десятиклассника Владимира Свичара заинтересовали вопросы руководства хозяйством, и, конечно, ему все хорошо разъяснит председатель колхоза Григорий Константинович Влажий (фото слева)..

День начинается с завтрака... Ученица В. Лысая со своим маленьким питомцем (фото на вкладке).

← Колхозница Броня Мазур (сидит) учит школьниц Катю Любинецкую и Марию Остафьеву работе с доильным аппаратом.

→ Чтобы сделаться специалистом сельского хозяйства, надо хорошо знать химию. Мария Бурдейная ставит лабораторный опыт по получению бромистого этила.

← На уроке труда в столярной мастерской — девятиклассник Ваня Федоренко.

→ На колхозной свиноферме у Марии Бурдейной много работы.

СУРОВЫЙ ПАССАЖИР

Рассказ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

1

Можно было бы, конечно, встать и уйти, как все, но Леша остался. Он не спал две ночи и сидел в пустом зале, поставив локти на колени и уронив в широкие, пахнущие табаком и смолой ладони отяжелевшую голову. Рядом с ним на скамье в парусиновом чехле лежало ружье, которым его только что премировали.

Так он сидел, думая: «А, черт возьми, сейчас вскочу и уйду!»

И не двигался с места.

Ему казалось, что он спит или вот-вот уснет, хотелось сползти со скамейки на пол, лечь и погрузиться в небытие.

В дальнем углу зала сильно скрипнула дверь. Леша поднял голову. Ласточкин стоял у двери и смотрел на него недоверчиво, недоуменно. Вдруг спросил с неожиданным участием:

— Больной?

— Нет, — ответил Леша, медленно вставая и нащупывая в кармане папиросу.

Тогда Ласточкин вспылил, проговорил зло и быстро:

— А чего ж ты здесь рассиживаешься? Собрание давно кончилось. Ступай!

— Я знаю, что кончилось, — спокойно отозвался Леша, пальцами разминая папиросу.

— Выпил?

— И не выпил, — смаргивая сон с непослушных глаз, сказал Леша и сунул папиросу назад, в карман. — Я вас жду, Григорий Ефимович.

— Меня? Приходи завтра.

Грузная, двухметрового роста фигура Ласточкина колыхнулась и враскачку поплыла вдоль сдвинутых скамей и стульев к выходу из зала. Было слышно, как трудно и возбужденно дышал этот могучий человек с литыми плечами и выпяченным вперед животом.

— А я не директора треста ждал, — чуть погромче в спину ему сказал Леша.

И Ласточкин остановился, оглянулся, словно ударил Лешу быстрым взглядом крохотных глаз.

— А кого ж ты ждал?

— Рыбака,— через весь зал ответил Леша.

— Хоть и молодой, а чудной ты, парень, — буркнул Ласточкин, сдаваясь, сел на край скамьи и положил рядом изрядно заношенный портфель. — Иди сюда. Что тебе? Давай!

«Что им надо всем? — горько подумал он про себя.— Уж я ли не стараюсь?!»

Вот он и кабинет свой сделал без приемной, без секретарши; дверь открывалась прямо в зал, где обычно сходились рыбаки и служащие, рабочие рыбных цехов в разгар путины. И штаб путины размещался в двух комнатах, примыкавших к этому простому залу, чуть похожему на сарай, но зато теплому и вместительному.

Всегда здесь шумели, в этом зале, курили, мешали работать. Новости с моря, споры о погоде, жалобы, указания сверху — все это тут сталкивалось, сплавлялось в пеструю, бессонную, бестолковую и отважную рыбацкую, единственно любимую жизнь.

Она всегда была рядом.

«Сам приучил! Теперь от этого никуда не денешься. Первый час ночи... А я сиди и слушай».

— Так что у тебя? — переспросил Ласточкин, когда Леша приблизился.

— Я сегодня в море тридцать тонн рыбы вывалил,— неторопливо обронил Леша.

— Тридцать? — Ласточкин пробуравил его живыми глазками из-под спутанных седых бровей. — А не врешь?

— На глаз мерил. — Леша снисходительно пожал острым плечом. — Может, и больше.

Ласточкину этот жест не понравился; он положил тяжелую руку на плечо Леши и попросил по-свойски:

— Не дури, парень. Иди-ка ты домой спать!

Только что в этом зале рыбаки бурно требовали, чтобы рыбу брали у них чуть ли не из сетей, на месте лова, в море, чтобы Ласточкин присылал за рыбой посуду. И после собрания многие старые знакомцы набились в кабинет, долго еще орали и спорили об этих самых приемных базах, или плавучих рыбницах, как их там назвать, пропади они пропадом! Будто столько ловили рыбаки, что им трюмов собственных сейнеров не хватало. Так и ушли ни с чем, а вот этот паренек всех пересидел...

— Спать я мог бы давно уйти, Григорий Ефимович.

— Что ты мне все Григорий Ефимович да Григорий Ефимович, будто я тебе родственник! — закричал Ласточкин. — Я тебя первый раз вижу! Ты кто такой?

— Бригадир. С «Ветерка».

— Вон как! — не поверил Ласточкин и опять пригляделся к Леше. — Я в твои годы на дубах бычков таскал. У весла сидел, парень! А весла!.. Что за весла были! Как у Магеллана. Шесть метров длиной. А ты, значит, бригадир?

Он и горевал и удивлялся, а по толстому, набрякшему нездоровой багровостью лицу его текла этакая недобрая, с издевкой улыбка.

Леша почувствовал, как до боли сдавились и, наверно, побелели губы. Именно в такие минуты Дуся ласково говорила ему: «Остынь, Лешка!» Вероятно, гнев его сейчас выглядел предательски мальчишеским и смешным.

— Где ж ты рыбу поймал? — спросил Ласточкин.

— У Серых скал.

— И — в море?

— В море — мятую, погибать. Трюм забили, а в сетях еще рыба, а девать некуда. Ни баржи, ни того самого дуба, хотя бы и с веслами, на котором вы плавали. Я вас как рыбака хочу спросить: дело это?

Он опять вертел в руках папироску, и Ласточкин вынул спички и кинул на портфель.

— Кури. Ну, а если завтра ты не поймаешь? Я не стану за тобой посуду по морю гонять, щенок! Не буду ждать, гулять вокруг тебя, жечь казенные денежки. Хочешь, чтобы государство за тобой с ладошкой бегало?

— А если поймаю? — спросил Леша, бледнея.

— На берег привези. У меня машина — суну тебе в трюм рыбонасос, быстро выкачаю, не задержу. Беги снова в море, лови еще. Или тебе к берегу ходить не хочется? Обслужи тебя в море, чтобы ты лежал на боку? Видно, лень вперед тебя родилась, парень.

— На берегу у меня жена, — ответил Леша. — На берег мне всегда радостно лишний разок сойти. Но ведь рыба-то не ждет!

— В путину надо работать двадцать пять часов! — что есть сил крикнул Ласточкин.

— В сутках-то двадцать четыре, — отрезал Леша.

— А вы вставайте на час раньше!

— И что это такое? — с надменной усмешкой сказал Леша. — Как постарше человек, так кричать. Будто разговаривать разучились!

— Разве я кричал? — спросил Ласточкин. — Ты брось эти штуки! Брось! Не нервничай! Садись на мое место и действуй, вот тогда видно будет. А я поеду рыбу ловить. С охотой.

Он постучал себя большой пятерней по гулкой груди, а Леша, улыбаясь, покачал белобрысой головой.

— Нет, Григорий Ефимович, я вам своего места не уступлю. Честное слово!

— Занятная же ты личность, бригадир с «Ветерка»,— задумчиво протянул Ласточкин.— Ты думаешь, просто — трестом управлять? Причалы, механизмы, рыбные цеха по берегу, а берег-то на сотни километров, заводы, бумаги... Вы ловите рыбу, а я ее соли, копти, храни, вывози... И еще «не кричи», дьявол ты разэдакий! Да мне некогда с тобой разговаривать, а кричу я быстро и понятно. Пока!

На улице моросило. Под узким козырьком подъезда захрустел чей-то дождевик, быстрая тень мелькнула и скрылась за афишной тумбой. Ласточкин окликнул грозно:

— Кто?

И покосился на фонарь, забрызганный дождевыми каплями, точно вынутый из воды. Тумба плохо освещалась мутным фонарем. Тень

выглянула и остановилась у щита с мокрым объявлением об уже состоявшемся собрании рыбаков.

— Дуся это, — прозвучал знакомый девичий голос.

— А тебе чего здесь надо?

— Ничего. Просто жду.

— Не меня, конечно, — грустно пошутил Ласточкин.

Голос его прозвучал зычно, на всю площадь. Он оглянулся на дверь и шагнул в лужу здоровенным резиновым сапогом. И так пошел в шумную сырую темноту, прямо по лужам.

А Дуся, увидев того, кого она ждала, подбежала, прижалась, накрыла его краем своего плаща и прошептала:

— Ты с ним о квартире говорил, Лешка?

— Нет.

— А я думала, о квартире. Опять нет. О чем же? Рассказывай, чего ты у него добился?

— Ничего.

— А чего просил?

— Это совсем неважно.

— А какое у него было выражение лица?

— Выражения лица у него не было. Все выражение у него жиром заплыло.

— Какой ты злой!

— Хочешь, отучусь?

— Нет, не надо. Сначала добейся квартиры. Злись сильней!

— Р-р-р! — притворно зарычал Леша в самое лицо ей и вдруг осекся, почти задохнувшись от радости, что лицо ее с двумя родинками на щеке, из-за которых он говорил: «Ты у меня не потеряешься», — что глаза ее, что губы ее были так близко.

— Фу, Леша, — сказала она, — нельзя так целоваться!

Лампочки, висевшие на тонких проводах поперек мокрой улицы, опрокидывали навзничь городские акации. Мелкая их листва липла к сапогам, трепетала в лужах.

— Куда мы идем? — спросил Леша.

— Хочу посидеть с тобой у моря, как другие. Они сидят вечерами, когда ты плаваешь.

— Дождь. Не боишься?

— А мы под навесом. — Дуся засмеялась. — Там есть павильон, где пиво продают. Ведь уже поздно, и все рыбаки ушли.

— Ты всегда что-нибудь придумаешь. Пошли.

— Я пошутила, — сказала Дуся. — Смотри.

Он не разобрал, что она держала в руке.

— Что это?

— Ключ.

— Откуда?

— Сестра уехала. В командировку. У нас есть своя комната! Идем.

— Через бульвар? — быстро спросил он. — Напрямик?

Они подошли к бульвару, разбитому на послевоенных пустырях. Сами горожане сажали здесь деревья и цветы и любили гулять среди не очень щедрой, но все же ласковой и веселой их пестроты. Ветры, несдержанные, хлесткие и холодные, быстро задували цветочные клумбы, как костры, и они, бывало, лишь грустно тлели, не разгоревшись. По траве самого большого газона бежала тропа.

— Напрямик нельзя, — сказала Дуся.

— Не мы первые.

— Сейчас свистнет милиционер.

— Он спрятался от дождя. И потом, зачем здесь люди протоптали тропку? Здесь удобнее. Значит, и надо узаконить ее и посыпать песком.

— Всюду свой порядок, — смеясь, возразила Дуся. — Ах, Лешка, Лешка! Ты анархист!

— Потише! — шутливо предупредил ее Леша. — У меня ружье!

2

Раньше никогда Леша не держал ружья в руках, но на первой же охоте убил зайца. Он шел степью, по ломкой стерне, заросшей полынью, вспугивая по бокам неправдоподобных, как попугаи, сизоворонок. Странно было видеть этих ярких, бьющих в глаза сверкающей голубизною птиц в серой степи. И радостно. Может быть, он любил все нарядное?

Мягкая дорога со следами тракторных гусениц неожиданно нырнула под ноги из полыни. Солнце садилось за спиной, а вдалеке над морем вытягивалось тонкое темное облако.

Вдруг Лешу обогнала машина и, взвизгнув тормозами, остановилась в трех шагах перед ним. Его окатило волной тяжелой после дождя пыли. Когда пыль снесло в сторону, он приоткрыл глаза и увидел, что из брезентового кузова «газика» высунулась голова Ласточкина.

— Садись, знакомый! — крикнул тот.

— Спасибо!

Они поехали, то и дело прыгая на кочках, ранее незаметных для ног.

Ласточкин укоряюще чмокнул губами:

— Видишь, ты и на охоту сбегал, а мне все некогда...

— Пока шторм, — сказал Леша, — мотористы на «Ветерке» занялись профилактикой. Почему бы и не поохотиться? — И пригласил Ласточкина к себе на «Ветерок», на зайца.

— Зайца надо часа три с уксусом отмачивать! — буркнул Ласточкин. — Видать, охотник ты никакой.

— Никакой, — сознался Леша.

Шофер поинтересовался, будут ли заезжать в Голубинский рыбный цех. Ласточкин никогда не пропускал ни одного рыбного цеха...

— А я до Тони сбегаю, — сказал шофер, когда подъехали к воротам, и выпрыгнул первым.

— Девушка тут одна работает, — пояснил Ласточкин, долго, с кряхтеньем выбираясь из тесной машины. — Небывалой красоты. Погляди пока, если охота.

— Нет, — сказал Леша.

Вскоре Ласточкин вернулся на свое место и сразу стал беспокойно сигналить. Прибежал шофер, и двинулись дальше. По-осеннему быстро смерклось, море заиграло огнями, как фокусник факелами.

— У какого причала твой «Ветерок» стоит? — как бы между прочим спросил Ласточкин.

— Возле пятого, — ответил быстро Леша.

Там обычно стояли корабли базы государственного лова, и Ласточкин распорядился, чтобы шофер ехал туда.

— Покалякаю с людьми.

— Зайца вашей хозяйке, наверно, оставлю, — предложил Леша. — Где там с ним на корабле возиться!

Шторм явно стихал, море ворчало глуше, и стрелка кренометра в каюте «Ветерка» едва покачивалась. Ласточкин с вороватой завистью оглядывал стены, узкую койку, маленькую фотокарточку Дуси, приколотую кнопкой к стене. Вспомнил свое, затосковал...

Леша спросил, чего хотелось бы гостю на ужин.

— Свежую селедку, жаренную в масле, да хамсу с луком, а? — сказал Ласточкин робко.

— Это просто.

— Просто, а дома у меня не могут.

Леша вышел, а Ласточкин все примеривался к каюте. Сказал вслух Дусиной карточке:

— Ишь ты, где плаваешь! Что, собственно, нашел бригадир в этой радисточке? Глаза большущие, а сама мелковата.

«Ну ведь красивых на всех не наберешься, — подумал он тут же. — Красивых мало, а нас, желающих, эге-ге! Моя Аня тоже не бог весть какая писаная. К тому же разучилась тушить хамсу с луком. Или не хочет. Дома готовит какая-то Лизка».

Чем это он так огорчился? Не тем же, в конце концов, что его не кормят дома тушеной хамсой? Мог бы попросить — накормили. Авось, и Лизка из рыбачек. Тут, у моря, все на рыбе выросли. Пирога с вареньем не испекут, а уж рыбу!.. Он вдруг обнаружил, что не знал, кто эта Лизка, откуда. Все же живет в его семье человек со своей судьбой. И что Дуся — жена бригадира с «Ветерка», он не знал.

«Гляди, какие каюты для сопливых бригадиров строят! — подумал он тут же. — Правда, не захочешь на берег приезжать! Плавай!»

А сейнер жил своей жизнью. За тонкой стенкой кто-то кашлял. Кто-то неведомый, неизвестный... Над головою тюкал топорик, может быть, кололи щепу для камбуза — для него, Ласточкина, старались. Кто он здесь: начальник или пассажир?

Он прислушивался, не зная, какого ждать ответа. В глубине сердца потихоньку скреблось странное сомнение. Чужой? Ах, да какая разница! Никто не спрашивает об этом...

Когда Леша вернулся в каюту и повесил на крючок свой берет, где-то в глубине корабля очнулся и заработал мотор.

— Что такое? — спросил Ласточкин.

— Механики пробуют движок, — сказал Леша, расчесывая светлые волосы. — После ремонта.

Двигатель бил в уши таким звонким стуком, точно стоял у самой двери. Сейнер вздрагивал. А когда принесли блюдо хамсы, щедро залитое густым томатом, и большущую черную сковороду, на которой рядками, расплываясь в масле, лежала сельдь, Ласточкин не стал смотреть на рыбу. Он, невольно подавшись вперед, глянул за распахнутую дверь и обмер.

Городские огни, сбиваясь в кучу, слабо мерцали вдалеке. Темная прохлада пролетала за стенками каюты. И, словно его сорвало с места и швырнуло наружу, Ласточкин вскочил и вмиг очутился на палубе, у самого леера. Внизу, разрезая темень и толчею волн, льнула к борту белая, пенная струя, словно выстреленная из брандспойта. Сейнер проваливался в ночь ходовыми огнями: красным и зеленым.

— Куда идем? — тихо спросил Ласточкин, возвращаясь.

— В море.

— Ты в своем уме или нет? — прошептал Ласточкин. — А ну, командуй назад!

Леша не шевелился. И Ласточкин понял, как смешон и жалок.

— Украл ты меня, значит? — в беспомощной ярости спросил он.

— Как хотите, так и думайте, — усмехнулся Леша.

3

Перед рассветом «Ветерок» бросил якорь в открытом море. На двух дорках — двух больших лодках — Леша со своими рыбаками ринулся в обход Серых скал. Рыба, пережидавшая шторм в глубинах, теперь плотными косяками

всплывала на поверхность моря кормиться. Выжидающе кружились над волнами крупные чайки, перекрикиваясь резко и нетерпеливо.

Край неба впереди завалило рыхлыми облаками. Жгучей каплей упало в них солнце. Рассвет напоминал закатный миг, и утро можно было скорее принять за вечер.

Шустрые дорки, с пулеметной скоростью стуча моторами, окружили косяк. Вскоре на «Ветерок» уже выгружали рыбу.

— Не выглядывал? — с беспокойством спросил Леша у рулевого, косясь на свою каюту.

Ласточкин не выходил ни ночью, ни утром, и это было и тревожно и досадно. А что, если так и не глянет он на море, на улов, не увидит всего, что хотел показать ему Леша?.. Просидит до нового вечера в заточении, а там, на берегу, задаст Леше неслыханную взбучку. И отберет у него бригаду, и эти легкие дорки, и сейнер «Ветерок», на котором столько хожено мимо полынных берегов с птичьими бухтами да безмолвных огоньков-мигалок на мачтах погибших в военные годы судов-«топляков». Отберет? И пусть. Ладно! Черта с два — ладно! Лучше бы не зарываться ему, а ловить, как все ловят, возить, как все возят...

Леша толкнул дверь каюты. Ласточкин, одетый, в плаще, лежал на койке, сунув руки под крутой затылок, и смотрел в потолок.

— Доброе утро, — негромко сказал Леша.

Ласточкин рывком повернул к нему голову. Его покрасневшие за ночь глаза сверкнули устало, на голом виске набрякла мертвенно-синяя жила.

— Я с тобой не хочу говорить. Понятно? — рявкнул он.— Садись!

— Пожалуйста! — Леша сел.

— Ты решил мне свой характер показать,— колотился в тесной каюте зычный голос Ласточкина,— но у меня свой есть!

— Конечно, — подтвердил Леша.

— Ты член партии? — спросил Ласточкин, не слушая его.

— Кандидат.

— Будешь и в райкоме отвечать!

— Конечно.

— Что конечно? — почти взревел Ласточкин.

— Буду отвечать. — Леша встал.

— А сейчас свяжи меня по радио со штабом.

— Рация не работает, — твердо сказал Леша, и вокруг его сжатых губ выдавилась белая каемка.

— Так? — спросил зловеще Ласточкин.

— Я рыбу взял, — тихо сказал Леша, — пойду, мне некогда.

И отступил за дверь. У камбуза распорядился, чтобы гостю отнесли завтрак. Не видел, как Ласточкин по-стариковски неуклюже поднялся с койки, не слышал, как он раздраженно вслух удивился: «Уже рыбу взял?!»

Когда Ласточкин вышел наконец из каюты, день показался ему черным и бездонным. Оттого, вероятно, что море, такое бесконечное, открылось впереди. Без земли. Холодные и неживые краски тускло мерцали на тяжелой воде. Чужое какое-то море!.. И небо было, как мутная вода.

Черные тени лодок таяли далеко... Что за лодки? Откуда?

Какая-то жутковатая даль...

Надернув плащ на плечи, Ласточкин обошел рулевую рубку и остановился на нижней палубе, у дыры трюма. Паренек в синем ватнике веником сметал в глубокий трюм остатки хамсы. Сейнер, набирая скорость, тянул за собой клин белой пены, шел неизвестно куда.

«Везут меня, как вещь», — подумал Ласточкин, но скоро сообразил, что они приближаются к доркам, к месту лова. Значит, выгрузив первую рыбу, бригадир уже перебрал сеть и начал второй замет.

Парень в ватнике, кинув веник, замахал рукой, истошно закричал рулевому:

— Айда на ворота, запирай «щель»!

— Цыц! — неожиданно одернул его Ласточкин, и парень даже присел.— Второй бригадир нашелся! Жди сигнала. Я тебе покажу «айда»!

Но тут и рыбаки недовольно закричали, чтобы сейнер шел в разрыв между лодками, загоняя рыбу в глубь сети.

— Чего там мешкаете?!

Однако момент был уже потерян, и черноусый, как казак, рулевой круто положил сейнер набок, огибая дорки с сетью по большому кругу, чтобы второй раз зайти с нужной стороны.

— Вы что кружитесь? — гаркнул Ласточкин.— Вы работаете или свадьбу справляете? Куда, куда? Эх ты, черт тебя тряси! Пусти!

Он плечом вытолкнул рулевого из рубки и сам схватился за скользкие рукоятки штурвала. Дрожь пробежала по рукам. Ласточкин не сразу поборол ее. И пока малым ходом сдавали на дорки и пока рыбаки (все молодые) подсушивали сеть с уловом и подводили ее под «хватку» — большой сачок на тросе с лебедкой,— Ласточкин не бросал штурвала. Белыми брюшками взблеснула крупная хамса, опрокинутая в трюм из первой «хватки», и тогда он уступил место усачу.

Какой-то рыбак кинул из дорки под ноги Ласточкину мокрую пачку сигарет.

— Попросите кока, пусть положит на камбуз, высушит.

Кто-то велел пареньку в синем ватнике:

— Яша, подай чай, да послаже!

Ласточкин смотрел на все, как сквозь мутную пелену. «Хватка» за «хваткой» опрокиды-

валась рыба в трюм, брызги летели на плащ Ласточкина, на брюки, на ботинки, высыхали и оказывались чешуей. Через полчаса, стоя на ветру, он сделался похожим на мельника в муке.

Сеть подтягивали выше и выше, но дна все не было видно, и каждый раз «хватка» вылезала наружу, грузная, обросшая хвостами рыб, как еж иглами. Когда над дырою трюма выросла гора рыбы, Леша попросил Ласточкина отодвинуться, чтобы «сыпать» улов на палубу. Мягкая живая гора стала расползаться. И палубу завалили до краев. Жирная вода потекла в море по бортам сейнера.

— Ну вот, теперь смотрите сами,— сказал Леша, закуривая.— Остальное будем в море кидать.

— Много там еще? — не своим голосом спросил Ласточкин.

— Много! — беспощадно ответил Леша.

— Погодите,— попросил Ласточкин.

— Чего ждать? Сейнеров рядом нет. Вызовешь — они свою рыбу захотят взять. У них свой план, свои заработки.

— Погодите,— повторил Ласточкин.— Я уйду.

4

«Я уйду»,— как эхо, звучали в ушах его собственные слова. Может быть, совсем пора уходить, старый человек, пора прощаться с морем?

Он сел на койку, потом прилег: кололо сердце. Что за ерунда, никогда раньше этого не было!

Нет, было, только ты скрывал это, врал самому себе!

Сначала он слышал толчки своего сердца, недовольные, резкие толчки изнутри, словно сердце боялось задохнуться и просилось наружу; потом уже стучала вся грудь, как одно огромное сердце. «Что это со мной?»—подумал Ласточкин.

Он начал вздыхать вслух. Так прошло минут десять. Сердце больше не колотилось, а только болело. Пол каюты необычно задвигался. Море под ним встало, точно кто-то приподнял его, и не опускалось, прижимая Ласточкина к потолку. Слабый-слабый стук сердца вовсе оборвался, и теперь оставалось со страхом ждать, появится ли он вновь. А что, если к нему никто не войдет ни сейчас, ни позже на длинном пути к берегу? Что, если он не доплывет до берега? Даже кричать у него нет сил. Один, вот так, совсем один... В тишине, которой он не хотел. А его, в сущности, давно окружала эта тишина. К нему тихо входили в кабинет из большого зала рыбаки, возле него замолкали люди на работе. Дома жена все делала тихо, чтобы не мешать ему. И даже болела тихо, неслышно.

Каюту еще раз рывком вскинуло...

«Это шторм снова,— шептал себе Ласточкин.— А ты отвык от моря... Ну же, держись, старина, держись! Войдите же кто-нибудь там, эй, войдите!.. Где вы все?! Я сейчас закричу!..»

Он нашел в себе силы улыбнуться Леше, когда тот возник на пороге с миской в руках.

— Надо вам поесть,— донесся до него гулкий голос.— Нельзя же голодному! И тушонка пропадет.

— Я сам пропал,— отозвался Ласточкин.— Тошнит меня что-то. Укачало.

Леша помолчал, растерянно приглядываясь к громоздкому человеку, лежащему на койке все в том же плаще, в пиджаке, в лишней одежде...

— Зыбь-то совсем тихая... С чего могло укачать?

Теперь, когда кто-то второй появился в каюте, рядом, Ласточкину не хотелось признаваться в своей беде, он даже тихонько снял руку с сердца и подумал: «Молодой, не догадается; ему и в голову не приходит...»

— Может, соленой хамсы с картошкой? — спросил Леша.

— Нет,— вздохнул Ласточкин.— Значит, тут большие косяки?

— Можно бы еще брать и брать,— ответил Леша.— Но вот... видите... теперь я не рыбак, я транспорт. Весь день буду идти на берег. А можно и ночью брать... Как-то, дней за пять до этого шторма, стояли мы ночью близ Железного рога. Луна светит. Тишь... Катера среди моря, как нарисованные. Говорю вот этому, в синей куртке, Яше Сайченко: «Сиди на вахте, как мартын закричит: «Кирки, кирки!» — сбудишь меня». Лег, скоро слышу, толкает: «Мартын кричит». Выхожу, еще темно, а рыба поднялась. Вижу, светится, скачет, поплескивает...

— Плющит,— подсказал рыбацкое слово Ласточкин.

— Да. Взяли сразу центнеров двести. Еще кинули — с палубой нагрузились. Хорошая рыба!..

Ласточкин отвел глаза от Леши, спросил:

— Как же ты обо мне думаешь?

— Я? — переспросил Леша.

— Да.

— То есть, я... в общем...

— Да ты руби сплеча! Я вот всегда рублю сплеча.

— Оттого с вами и говорить боятся,— сказал Леша.— Рыбаки к вам заходить не любят...

«Как же не любят! — поразился Ласточкин.— Я ж от них никогда не отгораживался, всю жизнь с ними... Почему я не сержусь на него за эти слова? Сердце остыло...» И сейчас же болью отозвалось из глубины: «Сердце остыло... Сердце остыло...»

— А ты меня не испугался, бригадир? — с усмешкой проронил Ласточкин.— Ты вон какую штуку выкинул, а? Так все же нельзя, парень! Научить тебя надо.

— Чему? — спросил Леша.

— Ну, как чему... Этому... Тому, чего у тебя нет...

— Порядку?

— Порядку? Может, и ему.

— Так ведь это как его понимать, порядок. Я не для себя рыбу ловлю...

— Да, верно... Я не то хотел сказать...

— Дисциплине?—то ли с насмешкой, то ли с возмущением доискивался Леша.

— А что ж, и дисциплине. У меня, например, на десять утра назначено совещание. Инженеры со всех цехов вызваны. А я вот где...

— Можно подойти к рации, отменить совещание на сегодня,— сказал Леша.

— Как отменить? А сколько сейчас?

— Восемь.

— Как восемь? — изумился Ласточкин.

— Восемь утра,— повторил Леша, улыбаясь.— Мы ведь на час раньше встаем.

С трудом Ласточкин вытащил из кармана часы. Да, да... Восемь, а словно уж весь день прожит...

— И рация работает?

— Починили,—улыбнулся Леша.

— И все же научить тебя надо! — сурово сказал Ласточкин.

— Трусости? — тихо спросил Леша.

Ласточкин не ответил ему на это.

— У тебя отец где работает?

— Всю жизнь рыбалил. Под Будапештом руку напрочь отбило, теперь в рыбкоопе пекарней заведует.

— Я вот ему пожалуюсь, чтобы он заставил тебя уважать старших.

Вот оно в чем дело!

— Так ведь я к вам с уважением, Григорий Ефимович!

— Другой из тебя сделал бы котлету!

— Так ведь я другого и в море ни за что не повез бы... не рыбака...

— Это ты подлещиваешься сейчас ко мне?

И очень хотелось, чтобы он сказал: нет, правду говорю! Но Леша замолчал. И тогда Ласточкин попросил проводить его к рации.

В узком отсеке радиорубки зеленый футляр рации сотрясался от голосов. Безалаберно жил морской эфир. Сейнеры вели разведку рыбных маршрутов. Но вот какой-то волной завладел пронзительно-радостный голос Дуси:

— Вызываю все промысловые суда, вызываю все промысловые суда! В районе Серых скал замечены крупные косяки хамсы.

— Ты сказал ей, что ли? — спросил Ласточкин бригадира.

Тот кивнул головой.

Ласточкин приподнял микрофон в дрожащей руке.

— Дуся! — прохрипел он и откашлялся.— Дуся, отложи совещание на завтра. Передай всем цехам... Передай: вышел в море... Я вышел в море. На «Ветерке»... Ясно? Как слышала? Как слышала? Перехожу на прием...

И щелкнул черным хвостиком выключателя. Обомлевшая Дуся не сразу ответила:

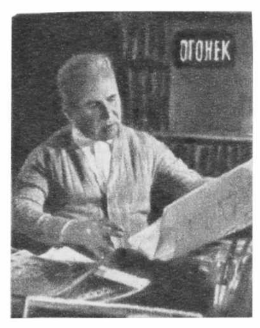
— Слышала хорошо... Слышала хорошо...

Дуся встречала «Ветерок» на причале. Остроносенькое лицо ее вытянулось в молчаливой тревоге. Она ухватилась за рукав шершавой куртки Леши и маленькими шажками пошла рядом, заглядывая в его усталое лицо.

— Ты держись за него,— сказал ей Ласточкин с осторожной улыбкой.

И, не зная, что случилось, ничего толком не понимая, Дуся быстро потрясла головой и ответила:

— Я держусь!

НАД ЧЕМ ВЫ РАБОТАЕТЕ?

— В наши дни машины делают крупные детали зданий: стены, перегородки, лестничные марши, межэтажные перекрытия,— говорит главный инженер Архитектурно - планировочного управления Москвы Виталий Павлович Лагутенко.

Машинное домостроение требует и новых конструктивных решений жилых зданий. Таков, например, четырехэтажный дом в Новых Черемушках, известный как «корпус № 14».

Там междукомнатные перегородки — главные несущие конструкции здания,— объясняет Лагутенко,— толщина их всего четыре сантиметра. Сделанные из прочного материала — железобетона, они выполняют также функции несущих балок и колонн. Это дает еще и экономию полезной площади. Знаете, сколько это составит при наших масштабах жилищного строительства? В Москве, например, в нынешнем году будет построено более 3 миллионов квадратных метров. В том числе 500 тысяч квадратных метров составят дома нашей конструкции. Применение тонких перегородок даст здесь москвичам дополнительно 15 тысяч квадратных метров полезной площади.

Виталий Павлович говорит убежденно, взволнованно. Строительство жилищ — дело его жизни, его призвание. За успехи в этой области В. П. Лагутенко присвоено звание Героя Социалистического Труда.

— А над чем вы сейчас работаете? — спрашиваю я.

— Создаем новые конструкции сборных жилых домов. Появилось много новых строительных материалов, а свойства некоторых старых, уже известных, изменяются. Вот, например, железобетон, прочность которому придает цемент. До сих пор вяжущие свойства цемента использовались только на 20 процентов. Если же эти свойства цемента использовать полностью, то железобетон обретет значительно большую прочность. Тогда и конструкция станет тоньше, легче, дешевле.

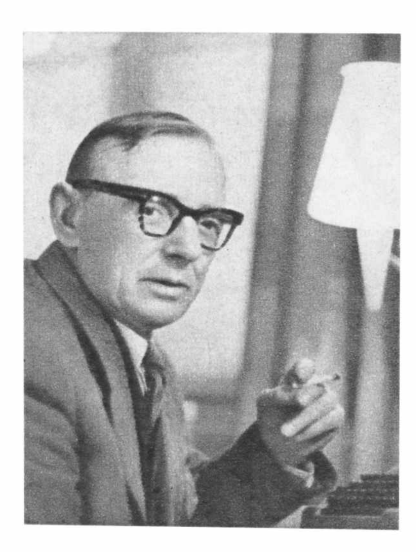
Виталий Павлович достает из шкафа толстый, массивный на вид белый брусок.

— Вот новый теплоизоляционный материал — стиропор. Слой стиропора в 5 сантиметров заменяет кирпичную кладку толщиной в 64 сантиметра. Кубометр кирпичной кладки весит 1 700 килограммов, а кубометр стиропора — 35—40.

Вот как будет выглядеть новый дом в недалеком будущем.— Виталий Павлович показывает мне рисунок необычного пятиэтажного здания, стоящего как бы на небольшом постаменте.— Сочетание стекла, пластмассы и алюминия создает интересную архитектуру. Такой дом легок и прочен. Он весит меньше кирпичного в шесть раз.

А. ГОЛИКОВ

ПРИЗНАНИЯ РОМАНИСТА

Да, я признаю себя виновным в том, что пишу «толстые» романы и занимаюсь этим осуждаемым некоторыми критиками и литературоведами ремеслом без малого сорок лет, опубликовав за это время много тысяч страниц, что, безусловно, усугубляет мою вину, если количество исписанной бумаги засчитать в «состав преступления».

Еще я признаю себя виновным в том, что подстрекал, подстрекаю и буду подстрекать к подобному занятию и других литераторов, склонных к полнокровному отображению жизни — сложного процесса становления человеческой личности, ее характера и страстей, а также склонных к широкому охвату исторических событий.

Сознаюсь также, что придерживаюсь претенциозного взгляда, полагая, что написать роман — это почти то же самое, что построить дом. Однако дом возводит большой коллектив строителей: архитекторы, инженеры, землекопы, каменщики, плотники, слесари,— а роман ты строишь один, сам, от начала до конца выполняя все производственные процессы. Ты сам отыскиваешь залежи глины, извести и песка, сам раскапываешь их, сам замешиваешь в необходимой пропорции, сам лепишь и обжигаешь кирпичи, сам и доставляешь их на строительную площадку. Ты самостоятельно должен создать архитектурный проект (без излишеств), самостоятельно изготовить чертежи и произвести все расчеты. Тебе самому же и осуществлять строительство — без какой-либо механизации или машинизации: без экскаваторов, транспортеров, кранов или даже примитивной лебедки.

После этого ты приступаешь к заселению квартир, самолично занимаясь и распределением жилплощади. А претендентов, как всегда, оказывается сверх меры, и жильцы начинают спорить, а подчас и браниться между собой, требуя каждый большей и лучшей площади — и споры между ними решать обязан снова только ты один. А после этого тебя... отдают под суд — суд критики и читателя, а также своей собственной совести и самокритики.

Кто-то назвал это «сладкой каторгой». И это верно: литератор, раз написавший роман, уже никогда не откажется от всепоглощающей страсти романиста.

Мое занятие в настоящее время? Пишу книгу, которой предварительно дал название «Ревет и стонет Днепр широкий». Для того, кто знаком с моим романом «Мир хижинам, война дворцам», эта книга будет повествовать о дальнейших судьбах героев. Роман «Мир хижинам, война дворцам» охватывал события от Февральской революции до июльских дней, роман «Ревет и стонет Днепр широкий» — от корниловщины до установления Советской власти в Киеве. Каждому понятно, насколько это важный — важнейший! — период в истории борьбы украинского народа за свое социальное и национальное освобождение.

Рассчитываю закончить книгу в начале шестидесятого года.

Юрий СМОЛИЧ

Произношение, ударение...

В культуре русской важное место занимают правильное произношение и ударение слов и выражений. Всякие колебания в живой речи понижают ее доходчивость. Такие ошибки особенно нетерпимы в школе, радиовещании, театре, на лекциях, на общественных собраниях и заседаниях.

Институт русского языка Академии наук СССР выпустил в свет словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение». В нем дано русское литературное произношение и ударение более пятидесяти тысяч слов. Используя опыт предыдущих словарей и результаты многих научных работ, составители и редакторы нового словаря ввели в его состав именно те слова и выражения, которые нуждаются в характеристике произношения и ударения. Кроме того, в книге указываются правильные формы словоизменения, особенно в тех случаях, когда наблюдаются отклонения от литературной речи.

Издание этого общедоступного пособия по вопросам русского литературного произношения и ударения принесет несомненную пользу.

П. ЧУМАК

ИЗДАНО В ПЕКИНЕ

Наши китайские друзья выпустили интересную и нужную книгу. Она называется «Да здравствует дух Ташкента!».

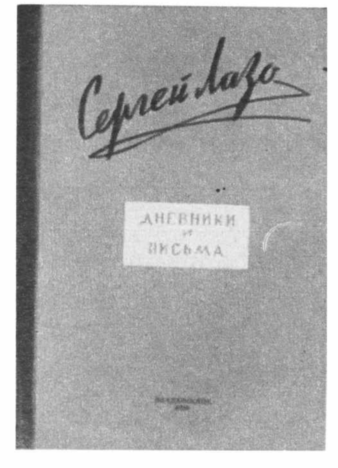
Напечатанная в Пекине в количестве пяти тысяч экземпляров, эта небольшая книга не только возрождает в нашей памяти прекрасные дни Ташкента, наполненные дыханием дружбы и братства писателей двух континентов. Книга знакомит также с новыми произведениями китайских писателей.

Особый интерес здесь вызывают статьи Мао Дуня «Высокие задачи» и Цюй Бо «Сердце с сердцем связаны неразрывными узами». Интересен цикл стихотворений Эми Сяо «Я снова в Ташкенте!».

Рядом со статьей известной писательницы Сюй Гуан-пин, вдовы великого Лу Синя, напечатаны стихи поэта из Внутренней Монголии Сайньчжаокэту и стихи Го Сяочуаня, посвященные Шарафу Рашидову и камерунскому писателю Бенжамену Матипу.

Фотография на обложке изображает торжественный момент открытия конференции, которая по узбекскому обычаю началась мощными звуками карнаев и бубнов. Книга служит делу дружбы и солидарности писателей двух великих континентов.

Л. НЕКРАСОВА, ЦЗИНЬ ТЯНЬ-МИН

Жизнь за любимое дело

Есть люди, о которых хочется знать все: где росли, с кем дружили, что читали, чем увлекались. Хочется заглянуть в их внутренний мир, чтобы постичь, как человек вырастает в героя.

Таким был Сергей Лазо. Заживо сожженный в паровозной топке японцами, он остался для нас символом мужества, стойкости, коммунистической убежденности. Он ушел из жизни совсем молодым, двадцати шести лет. Личный архив революционера более чем скромен. Но, наверно, именно поэтому с таким вниманием читаешь драгоценные документы, собранные женой и дочерью С. Лазо.

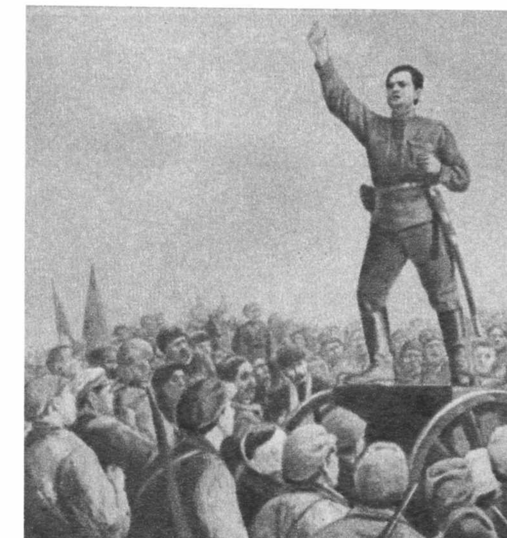
Письма к родным, дневники юношеских лет, строки из записных книжек подпольщика... Они раскрывают внутренний облик цельного, чистого, необыкновенно целеустремленного человека. Воспитанный в дворянской семье, он рвет с ней, поняв, что правда на другой стороне. Полюбив девушку, он подавляет свое чувство, убедившись в ее душевной пустоте и буржуазной ограниченности. Уйдя с головой в революционную борьбу, он негодует на мещан, которые твердят ему «скучные морали» о восьмичасовом сне, об отдыхе. «Работа и работа... Любимому делу жертвуешь не только все свои силы, но не побоишься отдать за него жизнь».

Лазо рассуждает о том, каким должен быть человек, чему он должен учиться, какие привычки настойчиво воспитывать в себе. Его «схему образования», его размышления о важности технических навыков и спортивной подготовки с интересом и пользой для себя прочитает каждый молодой человек.

Вл. КРУПИН

Сергей Лазо. Дневники и письма. Подготовили к печати О. А. и А. С. Лазо. Приморское книжное издательство. Владивосток. 1959.

С. Лазо. С картины художника В. Машкевича.

С экрана — в книгу

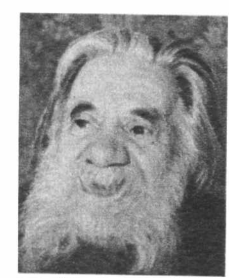

Кинофильмы смотрят миллионы людей. Среди них немало подлинных энтузиастов кино, в домашней библиотеке которых можно встретить книги известных кинорежиссеров, изданные сценарии лучших советских, французских, итальянских фильмов. Недавно к этой литературе прибавился и сборник сценариев Георгия Мдивани.

Веселый, озорной Иван Бровкин, обошедший все экраны страны, и строгая девушка Цицино из кинофильма «Наш двор», рядовой Александр Матросов, навечно оставшийся в списках гвардейского полка, и труженики грузинской деревни Сабудары — они запомнились зрителям и теперь живут на страницах книги кинодраматурга, выпущенной издательством «Искусство».

В. ИЛЬИН

Сказки Севера

Архангельское областное издательство выпустило в свет сказки известного северного писателя-сказочника Степана Григорьевича Писахова. «Чтя память безвестных северных сказителей — моих сородичей и земляков,— пишет автор,— я свои сказки веду от имени Сени Малины». Чудесный выдумщик, озорник, неистощимый весельчак и острослов — таким выглядит этот сказочный герой, северный Мюнхгаузен.

Недавно сказочнику исполнилось восемьдесят лет. Он почти безвыездно живет в Архангельске. В молодости писатель много путешествовал: побывал в Турции, Египте, Италии, Франции. С пером и палитрой в руках немало времени провел он на Крайнем Севере, на побережье Белого моря, создав десятки поэтических сказок и живописных полотен.

В. ЛУШНИКОВ

За тысячу лет

Четырехтомная хрестоматия узбекской литературы, охватывающая тысячелетний период, издается Институтом языка и литературы Академии наук Узбекистана. Более двух третей произведений, вошедших в издание, ранее не публиковалось. Изыскания, проведенные по материалам научных библиотек Стамбула, Лондона, Кембриджа, Парижа, привели к открытию десятков новых имен, в частности замечательного поэта-атеиста Якини, современника Навои.

Вот она, Испания без прикрас. Трущобы в Барселоне.

ИСПАНИЯ БЕЗ ПРИКРАС

Испанский крестьянин. Деревянная соха, как и во времена Гойи.

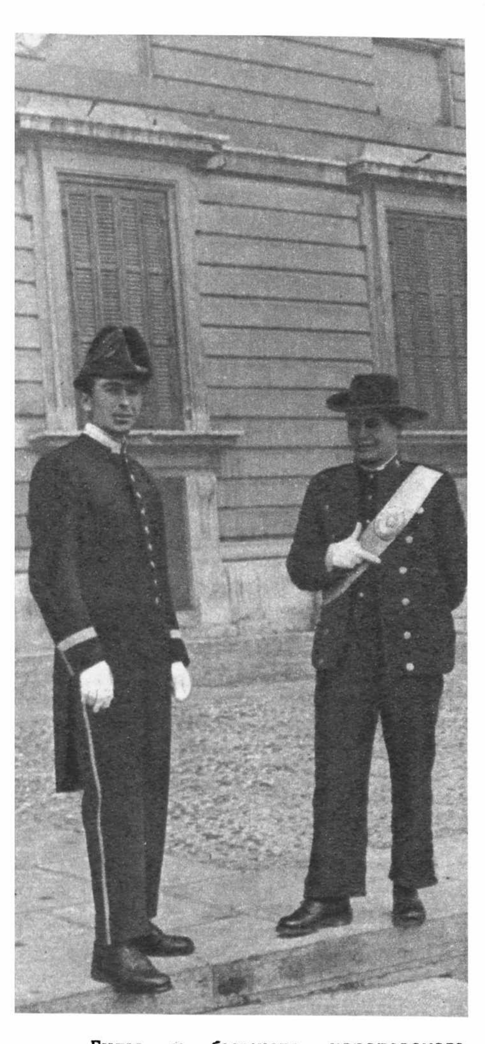
ИСПАНИЯ БЕЗ ПРИКРАС

В. БОРОВСКИЙ

ТУРИСТСКАЯ ИНДУСТРИЯ

В официальном справочнике «Испания, 1959», изданном испанским министерством информации и туризма, сказано, что в течение года эту страну посещают более трех миллионов иностранных туристов. Они оставляют в государственных банках в три раза больше валюты, чем дает экспорт цитрусовых, в пять раз больше доходов, чем от вывоза минерального сырья, в десять раз больше, чем дает экспорт вин.

В Мадриде на улице Мединасе-

Гиды у бывшего королевского дворца одеты в старинную форму.

ли в генеральном управлении туризма можно увидеть великолепные красочные плакаты, бесплатно получить брошюры, в которых расписываются достопримечательности и красоты природы Испании. Вежливые чиновники окажут вам всяческое содействие — была бы только валюта. Стоит попасть на конвейер этой налаженной системы, и вы едва будете успевать следить за мелькающими пейзажами, памятниками, танцорами, певцами, матадорами. Этот винегрет пестрых впечатлений должен создать картину бесшабашной, веселой, верной старым традициям страны. Такова туристская Испания...

Но однажды утром я все же вырвался из отеля и три часа бродил по Севилье. Увиденное за эти три часа было бесконечно далеко от лубочных картинок туристской Андалузии.

Во дворах и на улицах в мусорных ящиках рылись в поисках съестного женщины и дети. Я видел, как два мальчугана подрались из-за гнилого апельсина — и это в Андалузии, царстве цитрусовых! Дети и подростки вывозили в ящиках мусор со дворов, очищали выгребные ямы. Словно воробьи, налетели на туристов стайки детей, звонко голося и протягивая грязные, тоненькие ручонки...

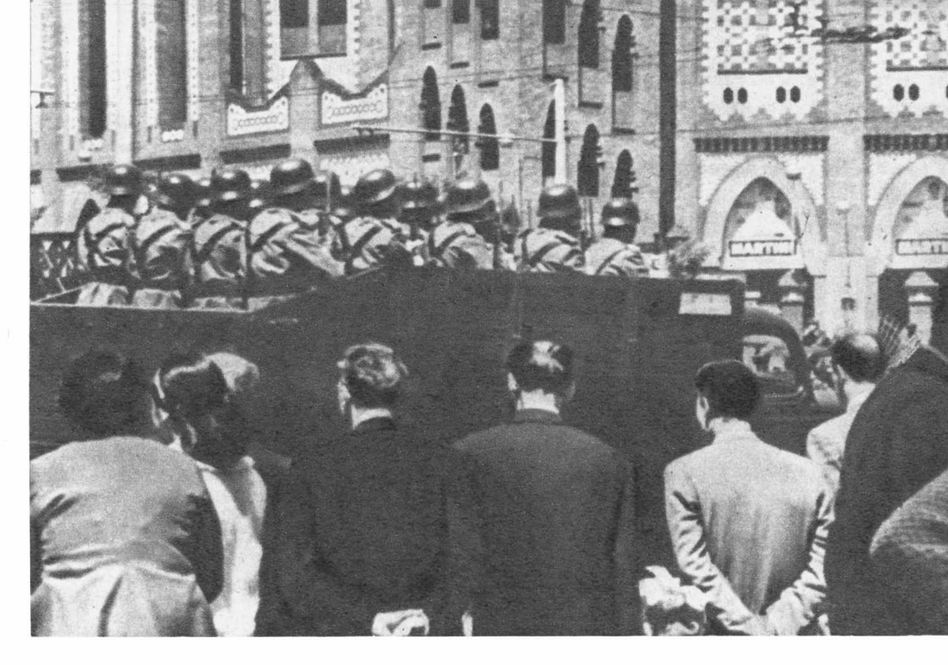
В старинном Толедо, привлекающем туристов своими архитектурными памятниками, главный доход населения — производство сувениров. В мастерских-магазинах можно приобрести самые разнообразные украшения местной чеканки, клинки знаменитой толедской стали, даже рыцарские доспехи... Когда я проходил мимо одного из магазинов, мне доверительно шепнули, что если я англичанин, то могу пользоваться двадцатипроцентной скидкой. У другого мне предложили особую скидку, если я француз или американец. На пути туриста оказывается «абсолютно типичный» испанский домик, с «патио» — внутренним двориком с фонтанчиком и цветами. Туриста приглашают войти, он поднимается по лестнице и оказывается... в магазине сувениров.

В Алькала-де-Энарес — старинном университетском городке близ Мадрида — мне показали «Дом Сервантеса». Туристы, разинув рты, осматривают старинную кровать, на которой родился великий писатель, очаг, где ему готовили пищу, стол, за которым он сидел. Однако вскоре выяснилось, что дом построен год-два назад, а вся обстановка в нем в основном бутафорская.

Испанская коррида — бой человека с быком — переживает упадок. Но и она поставлена на службу туристской индустрии. Ежегодно цирки, где происходят корриды (пласас де торос), посещает миллион иностранцев. За кровь тоже неплохо платят. В прошлом году был устроен рекламный турнир матадоров. Но устроителям турнира не повезло: быки забодали более двух десятков тореро, в том числе главных претендентов на звание первого матадора страны.

Сами испанцы отдают предпочтение футболу. Я был на матче, в котором участвовала сильнейшая испанская команда «Мадрид». Не только стадион, но и крыши соседних домов были до отказа заполнены зрителями. От их криков звон стоял в ушах. Хладнокровной оставалась только целая рота полиции, размещенная в специальной ложе... на всякий случай. Уже после отъезда из Испании я узнал, что на одном из матчей над мадридским стадионом взлетели тысячи листовок, призывавших испанцев протестовать против террористического франкистского режима.

Такова вся нынешняя Испания: правители пытаются отбросить ее назад — повсюду видишь борьбу мертвого с живым, повсюду мертвое цепляется, мешает живому. Но наливаются и крепнут молодые силы, и близится день, когда они порвут цепи, отбросят прочь все, что путается в ногах.

Хмурым молчанием встречают барселонцы очередной парад франкистской армии.

ЗА ПЕСТРЫМ ФАСАДОМ

Рабочий автомобильного гаража в городе Авила, угрюмо посматривавший на заезжих туристов, двумя-тремя фразами обрисовал мне то, что так старательно затушевывали гиды туристских компаний. Растет безработица. Особенно тяжело батракам свекловичных плантаций — они голодают, пытаются найти работу в соседней Франции. Ему самому на зарплату не прожить, приходится по вечерам работать маляром. Так делают все. «Хорошо живут здесь только паразиты: дельцы, военные и «катедратикос» — попы,— говорит рабочий.

Механик промышленной выставки в Барселоне нарисовал не менее безотрадную картину: текстильные фабрики закрываются, тысячи ткачей выброшены на улицу, их семьи остались без куска хлеба. Кризис перепроизводства — да, да, перепроизводства! — хотя большинство испанцев прозябают в нищете.

От кризиса не страдает только правящая клика, особенно финансовая олигархия и сросшаяся с ней верхушка военщины.

«Я знаю одного дивизионного генерала, который возглавляет автомобильную компанию «СЕАТ»,— сказал механик.— Этот генерал, помимо армейского жалованья, получает 200 тысяч песет в месяц — в сто раз больше, чем квалифицированный рабочий на заводах этой компании...»

Я видел роскошные дворцы, сады и парки, великолепные площади и широкие проспекты Мадрида, Барселоны, Севильи. Но побывал и в кварталах бедноты этих больших городов.

На окраине Мадрида в районе Посо дель Тио Раймундо тянутся ряды самодельных домишек с

Бывший эсэсовец нашел приют в отеле «Эмперадор» в качестве швейцара.

крохотными, как игрушечные, оконцами. Огромные районы Барселоны, примыкающие к порту, напоминают катакомбы: в ужасающей тесноте, в грязи и сырости ютится здесь рабочий люд. Но еще более страшна картина в районе Барселонеты — у самого моря. Вдоль берега, построенные прямо на свалке, протянулись жилища, похожие на карточные домики. А по дороге в Севилью, в Ламанче, в Арагоне не редкость встретить просто пещеры, в которых ютятся люди, даже целые подземные деревни...

О том, как живут крестьяне, особенно батраки на юге страны, мне рассказал один из вернувшихся в Советский Союз испанских эмигрантов, так и не нашедших в Испании родины. Он видел в одном из уголков Андалузии настоящий невольничий рынок, где родители отдавали за гроши своих юных сыновей помещикам в фактическое рабство...

«ПОРЯДОК» ПО-ФРАНКИСТСКИ

Такова она, подлинная, не туристская Испания! Взнузданная цензурой, испанская пресса уверяет, будто там царят «порядок», «спокойствие» и «политическая стабильность».

Тот, кто побывает в Испании и не станет закрывать глаз, почувствует, что это за «порядок». Города и села наводнены полицией — тайной и явной, простой и военизированной, гражданской гвардией и агентами охранки — «социальной бригады». В тюрьмах по многу лет томятся тысячи политических заключенных.

В июне 1959 года по Испании прокатилась мирная забастовка протеста против фашистского режима. Франкистское правительство обрушило на трудящихся жестокие репрессии. Палачи из «социальной бригады» подвергают арестованных зверским пыткам. В этом году массовые аресты усилились: с начала февраля в тюрьмы брошены еще пятьсот патриотов, среди которых много испанцев, репатриированных из СССР. Террор франкистских властей вызвал многочисленные протесты во всем мире.

В то же время в Испании разгуливают на свободе люди, на черной совести которых чудовищные преступления. На улице Мадрида Гран-Виа, возле отеля «Эмперадор», мне указали на швейцара в высокой форменной фуражке с золотыми галунами. Он открывал дверцы подъезжавших автомобилей и почтительно кланялся гостям. Швейцар сам признался мне, что он бывший офицер-эсэсовец, орудовавший в годы гитлеровской оккупации на русской земле.

Можно представить себе, какие злодеяния совершил этот негодяй, если он боится вернуться даже в Западную Германию.

— Пока не время,— сказал он мне, подмигнув холодным, наглым глазом. И, замахав руками, юркнул в сторону, когда я навел на него объектив фотоаппарата...

Теперь всему миру стало известно о тайном сговоре боннских правителей с Франко: западногерманские милитаристы собираются строить на испанской территории свои военные базы. Так вновь оживляется одно из звеньев фашистской оси, ввергнувшей мир в кровопролитнейшую, разрушительную войну. Чудовищно, что этот фашистский союз воссоздается под крылышком НАТО, участники которого были первыми жертвами гитлеровской агрессии. Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел известно, что Гитлер обещал франкистской клике в случае победы над союзниками французские и английские владения на Средиземном море; территорию самой Франции участники оси готовились поделить между собой.

Рамон Менендес Пидаль.

И вот в эти дни некоторые круги на Западе делают франкистский заповедник фашизма одним из главных защитников «свободного мира». В обмен за всестороннюю поддержку франкистского режима Соединенные Штаты, а теперь и западногерманские милитаристы получили право на превращение Испании в атомно-ракетную базу. Можно представить себе, как швейцар-эсэсовец из «Эмперадора» потирает руки.

ГОЛОС ПОДЛИННОЙ ИСПАНИИ

Миллионы людей во всех странах поднимают голос протеста против военных приготовлений и фашистского террора в Испании, в защиту испанских патриотов. И в самой Испании мужественные люди нашли в себе силы открыто выступить с требованием амнистии политическим заключенным.

Более ста двадцати видных представителей интеллигенции, священник, генерал, бывший министр поставили свои подписи под письмом к министру юстиции, в котором выдвинули это требование. Первым подписался под этим письмом Рамон Менендес Пидаль — ученый-филолог с мировым именем, президент испанской Академии слова.

Сеньор Пидаль любезно принял меня у себя дома на окраине Мадрида, в районе Чамартин. Трудно было поверить, что этому энергичному человеку, который не изменяет своей привычке начинать работу в 6 часов утра, уже минуло девяносто лет...

Я передал сеньору Пидалю привет от советских читателей, сообщил ему об издании его избранных произведений в Советском Союзе. Дон Рамон с большим интересом выслушал перевод статьи из московской газеты, посвященной его девяностолетию. Ученый рассказал о своей последней работе — исследовании знаменитой «Песни о Роланде». Его увлекает проблема коллективной народной поэзии, в которой сливается труд многих авторов. Ученый пожаловался на изолированность испанской интеллигенции, в частности лингвистов, на то, что он лишен возможности общаться с советскими коллегами, работы которых его очень интересуют. В заключение нашей беседы сеньор Рамон написал в моем блокноте:

«Горячий привет читателям огромной России, которые хотят кое-что узнать об испанской литературе. Я решительный сторонник того, чтобы культурные связи между нашими странами становились все теснее и теснее.

Р. Менендес Пидаль».

Мне довелось беседовать с крупным ученым, историком и археологом сеньором Олалья, который просил советских коллег определить древность найденных в Испании костей мамонта, с секретарем исторического журнала «Испания» сеньором Бенито Руано, с искусствоведом сеньором Самбрисио, со многими журналистами, писателями. Все они выражали живейший интерес к нашей стране.

Всюду, где бы я ни был в Испании, десятки людей говорили о традиционной дружбе советского и испанского народов — дружбе, которой не смогли помешать два десятилетия клеветы, возводимой на Советский Союз пропагандистским аппаратом франкистской клики.

Когда я покидал Сан-Себастьян — курортный городок на испано-французской границе,— до вокзала пришлось добираться на такси. Шофер каким-то образом узнал, что я русский, и мне лишь с трудом удалось уговорить его принять плату за проезд.

— Я друг Советского Союза! — горячо твердил он, крепко пожимая мне руку.

Это были последние слова, услышанные мной в Испании.

НА ВКЛАДКЕ:

Вместо обычной музейной тишины в залах Свердловской картинной галереи оживленный говор, а иногда шумные споры вокруг отдельных экспонатов выставки «Урал». Два года готовились к ней свердловские художники и широко показали зрителю нашу современность в работах живописцев, скульпторов, графиков, мастеров декоративно-прикладного искусства.

«Литейщики» И. Симонова — одна из самых значительных картин на тему о труде. Это произведение, прославляющее радость труда, написано уверенной рукой, с убеждающей силой.

Живописной свежестью и новизной решения притягивают картины Е. Гудина «Лесосплавщики», Г. Гаева «Из рейса».

Произведения В. Игошева запечатлевают жизнь манси — далекого северного народа. Целую повесть о человеке Игошеву удалось создать в картине «Манси охотник». Взгляните, как выразительно его лицо! В нем суровость и твердость, которые выковываются в борьбе с природой. Глаза охотника, зорко впившиеся в даль, словно «читают» тундру...

Многим известно имя свердловского художника А. Бурака по его произведению «К сыну за помощью». И вновь художник выступил на острую моральную тему, воплотив ее в картине «Проглядели». Она построена как живописная новелла, как рассказ с острым сюжетом и носит ясно выраженный публицистический характер.

Многообразно представлены на выставке уральские пейзажи. Полны красоты и обаяния весенние зарисовки Е. Гудина. В небольших пейзажах Б. Витомского поэтически передана уральская холодная зима. В полотнах А. Охлупина, М. Вдовкина, П. Усачева, О. Бернгарда, В. Кушнера и других художников запечатлен индустриальный и колхозный пейзаж — преображенная уральская природа. Впечатляет суровой мощью картина А. Заусаева «Урал».

Очень интересен отдел графики и плаката. Эскизы театральных декораций показали заслуженные деятели искусств РСФСР Н. Ситников и М. Улановский, художница Т. Меньшикова.

Б. ПАВЛОВСКИЙ

А. А. Заусаев. УРАЛ.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

М. П. Вдовкин. УТРО НА ТРАНСПОРТЕ.

И. И. Симонов. ЛИТЕЙЩИКИ.

В. А. Игошев. МАНСИ ОХОТНИК.

А. Ф. Бурак. ПРОГЛЯДЕЛИ.

Ахмеровский почерк

Г. КУЛИКОВСКАЯ

1

Сначала — его портрет. Он на самом видном, самом почетном в городе месте: рядом с величественным портиком волковского театра. Каждый день, утром и вечером, отправляясь на завод и возвращаясь обратно, я встречаюсь с ним как с добрым и старым другом. И даже не глядя, закрыв глаза, могу представить себе его умный, все понимающий взгляд из-под насупленных век. Распластанные, как крылья птицы в полете, брови. Высокий лоб. Только строго, официально поджатые губы, как того требует стиль официальной фотографии, не вяжутся с его приятным, сразу располагающим к себе лицом. Я-то знаю, как может изменить это застывшее перед объективом лицо улыбка — честная, прямая, широкая.

А вот он сам, Ахмет Ахмеров. В ослепительно белых нарукавниках, черной шапочке, чтоб не мешала прядь волос, и черной майке, туго обтягивающей грудь. Стоит в первом ряду плоских станков — широкоплечий, сильный, уверенный. Не сборщик, а шкипер, за спиной которого надежная команда: одиннадцать бывалых ребят со своими помощницами. Стоит и как бы никого не замечает. Только кивнет головой, сверкнет улыбкой, если покажется кто знакомым, и погружается в свое нелегкое — вон как вздыбились мускулы на руке! — дело. Некогда!

Нет, не легкое и не простое это дело — собирать автопокрышки. Только совсем неопытный человек может предположить, глядя на автомобиль, что его монолитные на вид, массивные резиновые «галоши» пекутся, что называется, из одного «куска теста»... Из нескольких десятков деталей сделаны они! И детали эти, которые едва успевает заготавливать и подносить Ахмету его помощница Клава Филатова, не совсем обычные: длинные полотенца прорезиненного корда, ленты разной ширины, металлические обручи, протекторы. Заботливо, будто пеленает свою дочь, укутывает сборщик всеми этими одежками стальной барабан. Укутывает и прощупывает пальцами, проверяет кистью руки, приминает всей рукой до локтя — вот для чего нужны нарукавники! — каждый слой. Чтоб лежал он плотно и прижимался тесно к соседу.

Наконец, последняя оболочка. Сбоку на упругую шину прилеплено оранжевое клеймо. Это значит — автопокрышка особой стойкости, тропическая. Обуют ею «ноги» автомашины, и пойдет она колесить по знойным дорогам Индии или Бирмы. А может быть, заберется и в джунгли гостеприимной Индонезии...

Ахмеров нажимает рычаг, стальной цилиндр разваливается на секторы. Сильным толчком Ахмет сдвигает с них покрышку и, весь изогнувшийся, мускулистый, гибкий, ловко подхватывает неуклюжую бочку-коротышку и кладет к ленте конвейера.

Красиво работает Ахмеров — залюбуешься! Красиво, легко, будто выполняет гимнастические упражнения, и очень разумно. Без сутолоки, без спешки, просто и спокойно. Каждый жест руки, каждый поворот тела рассчитан заранее, и он должен быть именно таким и никаким другим.

Говорят же, характер человека можно определить по почерку. Характер ударника коммунистического труда Ахмерова можно определить по работе. Почерк его работы твердый, смелый, четкий, без мудреных завитков и загогулин и, главное, без срывов. Словом, ахмеровский почерк! Начал он вырабатываться давно, еще до войны, когда Ахмет юношей пришел на завод. Оттачивался и закаливался он в боях на Днепре и Днестре, под Прагой и на Хинганском перевале. И основательную шлифовку получил здесь, на заводе. Этот почерк не подводит Ахмерова. Девятости шестой раз он выходит победителем в соревновании сборщиков шин на крупнейшем в стране шинном заводе. Лидер восемь лет подряд!

И что ж удивительного, когда, приглядевшись к другим сборщикам, угадываешь в манере их работы что-то знакомое, ахмеровское? Ведь не держит же Ахмет только для себя найденные им в труде алмазы! Много у него последователей, а шестеро в группе — прямые ученики. Теперь они, конечно, себя таковыми не считают: сами стали семиразрядниками. А сколько еще ахмеровских воспитанников ушло на другие участки! И сколько их еще будет! Ахмету Ибатуловичу всего сорок лет, самая зрелая, можно сказать, для творческой отдачи пора...

2

У Шурика карие глаза и темные волосы, как у отца. Учится он еще во втором классе, но взгляды у него на жизнь вполне установившиеся и современные. На стандартный вопрос: «Кем будешь, орел?» — отвечает степенно: «То пожить надо еще, дорасти...»

Но тут все дело портит Надя, старшая сестра. Она вихрем врывается из другой комнаты (Ахмеровы занимают отдельную квартиру в новом доме) и выпаливает:

— Он же в летчики давно собрался!

— Какие еще летчики, когда разоружение! — бурчит Шурик, и его пухлые губы кривит ироническая улыбка: мол, тоже еще нашлась, ориентироваться надо!

Алая краска заливает щеки Нади чуть ли не до самых бровей. Кажется, заалели даже ее светлые косички. Но девочка, однако, не сдается.

— Да, дела у тебя теперь неважнецкие...

Не обращая внимания на скептическое замечание сестры, Шурик развивает свои планы:

— Шины делать буду.

— Как папа?

— Угу.

Разговор о будущем на этом обрывается. Шурик на правах хозяина дома (отец еще не пришел, сегодня вторник, день политзанятий) решает развлечь нас семейным альбомом. Тут, конечно, прежде всего отпрыски Ахмета и Ферзаны Ахмеровых в разных видах: Надя, Шурик и крошечная Неля. Как положено, серия разных родственников. А вот и сам отец. В море. И на пляже. Наискось курортная надпись: «Кавказ. Архипо-Осиповка. 1959 год».

На другой странице Ахмет Ибатулович у парапета московской набережной и возле «Царь-колокола» в Кремле.

— На профсоюзный съезд ездил папа,— объяснила Надя.

Откуда-то выскользнула пожелтевшая фотография. На ней Ахмет в сержантской форме, совсем еще молодой. Грудь вся в медалях и орденах.

— Вон, оказывается, какой герой ваш отец!

— А мы покажем вам сейчас папины ордена,— предлагают дети и достают из шкафа коробочку.

Одна, две... пять медалей. Тут же пламенная пятиконечная звезда — орден Красной Звезды.

— Папа разведчиком был. Это за «языка», немецкого офицера, на Украине, кажется.

— Вот и не знаешь ты! — перебивает Шурика Надя.— Не на Украине, а в Молдавии. Папина группа прорвалась в тыл, подорвала машину и захватила штабиста.

— А эта звезда за что?

На ладони еще одна пятиконечная звезда, серебристо-белая,— орден Славы.

— За майора контрразведки,— торопится опередить Шурик сестру.

— Разбойники, что вы делаете! — В дверях прихожей удивленное лицо Ахмерова.

— Папа пришел! — Дети бросаются к отцу, виснут у него на шее.

— Постойте,— окликаю их я,— а вот еще орден. Совсем новенький. Кто мне скажет, за что? Какого и где «языка» брал ваш храбрый папа?

— Не за «языка», а за группу,— отвечает сам Ахмет Ибатулович.— Орден ведь гражданский.

— А за какую группу? Куда вы ее вели?

— За профсоюзную группу. А что рассказывать? Так сразу и не вспомнишь. Много всякого было...

3

Профсоюзная группа, которую возглавляет профорг Ахмеров,— это двенадцать сборщиков с помощницами, так называемый комплект. Одни и те же интересы, одна и та же жизнь.

Одна? Нет, не одна, а двадцать четыре жизни двадцати четырех разных людей.

Вот худощавый и тонколицый Алексей Новиков. Стоит он в комплекте сразу за Ахмеровым. Помоложе его намного, но это не мешает им быть большими друзьями. И жены, Валя и Ферзана,— подруги. Вместе — Новый год, вместе — в театре.

Белоголовый, с такими же белыми мохнатыми ресницами и засыпанный весь веснушками,— Костя Яблоков, заместитель парторга. Скоро прибавится у него забот: Алексей Новиков, Валентин Меднов и Алеша Коровкин подали заявления о приеме в кандидаты в члены партии. Всех трех рекомендует коммунист Ахмеров.

...Много всякого бывало в жизни профорга. Разве все вспомнишь? Вот Мухин Слава, хороший парень. Серьезный, вдумчивый. Коммунист. И сборщик первого

А. Ахмеров в семье.
Фото О. Кнорринга.

класса. И вдруг — надо же было случиться такому! — забыл проложить один слой в покрышке. Может, ушел в себя в ту минуту? Может, о жене думал? Болела, кажется, тогда.

В ОТК сразу, конечно, заметили: полегчала шина килограмма на полтора-два. Отковырнули бортовую ленту, действительно, не досчитались одного слоя. Скандал! Небывалый случай в группе.

На другой день — собрание. Тут же мастер цеха и технолог. Досталось тогда Мухину и морально и материально. Группа потребовала: удержать у Мухина сто рублей в получку. Ведь шина такая будет некачественная, недолговечная. А иначе и нельзя: группа лучшая на заводе, и недаром профорг Ахмеров орден за это получил...

4

Лиловеют квадратики в окнах. Будто кто облил небо разведенными чернилами. Обыкновенные стекла превращаются в витражи, и тем ярче в цехе сияние люминесцентных ламп. Шесть часов вечера. Конец второй смены. (Здесь уже шестичасовой рабочий день.) Ахмеров снимает нарукавники, складывает фартук и идет к жене. Она работает в двадцати шагах, за браслетным конвейером, на заготовительном участке.

— Фая, сегодня кино отменяется.

На лице жены явная досада.

— Звонили из горкома (Ахмеров — член городского комитета партии). Очевидно, по поводу командировки в Рыбинск, на встречу с передовиками производства. И вот еще что: сегодня Коровкин под большим секретом сообщил, что женится.

— Ну? — Ферзана уже улыбается.— На ком же?

— Конечно, на молодой и красивой. Эх, последний в нашей группе парень пропал! — смеется Ахмет.— Так вот, в субботу свадьба... А у меня уравнение с двумя неизвестными. Во-первых, ты знаешь: к зубному записан.

— Так пойдем на свадьбу без твоего зуба,— предлагает Фая.

— Э-э, так не пойдет! Я там хочу с зубами быть! — хитро щурится он. И заключает: — Врача придется отложить. А вот как с редколлегией? Тоже назначена на вечер в субботу.

Ферзана поднимает руки.

— Вот муженька имею: дома не увидишь!..

На редколлегию он не пошел. Нельзя: друг женится. В праздничном синем костюме, в белоснежной сорочке, выгодно оттеняющей смуглое его лицо, он сидел рядом с Алешей, как самый близкий и дорогой ему человек. Поздравлял его от имени всех шинников и желал ему в супружеской жизни успехов, по крайней мере, не меньших, чем в трудовой. И грустил тихонько, про себя. Поглядывая на смущенную невесту, вспоминал свою свадьбу. Было это тринадцать лет назад, и Ферзана была тогда в светло-зеленом; помнит он, как сейчас, это платье...

Никто, право, не считал, сколько раз в тот вечер, поздравляя новобрачных, кричали «горько» захмелевшие гости. И Ахмет тоже пригубливал рюмку и тоже удивленно толкал Алешу в бок: «А ведь в самом деле, что-то невкусно»... И был он тогда совсем другой, не похожий на строгого и официального Ахмерова, который смотрит с портрета на Волковской площади.

А. МОРОВ

ДОРОГА

Когда Александр Федорович Панкратов приехал с кинопередвижкой в село Вязовку, клуб был закрыт. Расписания передвижка не имела, и в тот день киномеханика здесь не ждали. Заведующий клубом по каким-то делам отбыл в районный центр. Когда он вернется, никто точно не знал.

Подле сельсовета Панкратова встретили два парня из села Киево-Полтавки, что километрах в шести отсюда. Они предложили:

— Поедем к нам. Ведь вы у нас уже две недели не были.

Однако двигаться на Киево-Полтавку не входило сегодня в планы Александра Федоровича. Дело в том, что снова — в который раз — Панкратов получил для демонстрации старый фильм. Дважды он уже возил его по своему маршруту. И вот — извольте радоваться!— приходится крутить в третий.

— Был бы хорош — не жалко. А то...

Механик даже рукой махнул.

Но теплилась у него надежда, что проходящий днем дальний поезд привезет на железнодорожную станцию ему одному известно каким способом добытый новый фильм. До станции добрых пять километров, немало времени уйдет на разъезды.

Но фильм не прибыл, а тут еще зрители докучали расспросами.

— Привет механику! — поздоровалась доярка Нина Плотникова.— Что-нибудь новенькое привезли?

— Да вот,—ткнул Панкратов в бланк так называемой «безымянки», которую он обычно вывешивал, приезжая в село. На бланке небрежно чернилами было выведено название картины — «В один прекрасный день».

— Нехитрая ваша реклама.— Девушка покачала головой.

— Что же я могу сделать? — отбивался механик.

— Что сделать? — подхватила разговор комсомольский секретарь Галя Иванова.— Щит с фотографиями приготовить, кадры из фильма показать, художественную афишу вывесить, загодя план свой объявить. Мы бы знали, когда у нас фильм будет демонстрироваться и какой именно. Или трудно?

— А трудно у себя в деревне иметь хорошо натопленный клуб? Ведь у вас холодильник, а не клуб.

— Что верно, то верно,— призналась Галя.— Топливо для клуба не заготовили.

— Вот-вот,— наседал теперь киномеханик.— А я в этакой температуре деревянными от холода пальцами должен точнейшую аппаратуру налаживать. Потом вы жалуетесь, что изображение неяркое, что звук не тот.

Я слушал эту перепалку и огорчался. Все-таки работа деревенского киномеханика на передвижке—это всегда в какой-то мере подвиг. В дождь, в снег, в грязь, в лютый мороз и в жару он движется от селения к селению. В лучшем случае на колхозной лошаденке. А то ведь и на лыжах иногда передвигаться приходится да еще аппаратуру на спине таскать... Всяко бывает.

Однако факты — упрямая вещь. Обиды, высказанные колхозницами, видно, имели основание. Александр Федорович это понимал и все пытался оправдаться:

— Сами видели, как я за новым фильмом гонялся.

Галя Иванова не выдержала.

— Так и новый он у вас часто только по названию!

— Конечно,— подтвердила Нина Плотникова.— Ведь фильмы приходят к нам обычно через шесть—восемь месяцев после того, как в городе их уже все посмотрели. Даже по телевизору раньше увидишь картину, чем в колхозном клубе.

...Вот уже несколько дней двигался я по дорогам Саратовщины. Заглядывал то в одно, то в другое село. Присматривался к работе кинопередвижек. Слушал, что о них говорят колхозники.

В областном центре, в отделе кинофикации, и в конторе проката фильмов обстоятельно отвечали на мои расспросы о работе кинопередвижек, не отрицали, что так обслуживается почти две трети населенных пунктов области. Но сами выводов из этого никаких не делали. Не вызывало их беспокойства даже то, что более двух сотен крупных селений, в том числе центральные усадьбы колхозов, в которых по двести и больше домов,—даже они не имеют стационарных киноустановок.

Правда, меня уверили, что продолжаться такое положение будет еще с год, не дольше. Так ли? Из одного официального документа я узнал, что в истекшем 1959 году здесь отказались получать киноаппаратуру для пятидесяти новых установок, предназначенных для сельской

местности. Почему? Да потому, что это осложнит жизнь. Больше забот будет.

Столпом, на котором держится хрупкое здание этого приблизительного благополучия, являются, конечно, крупные кинотеатры в самом Саратове и других городах области. Им отдается все внимание, все силы, вся вера.

А деревня?

Один скромный сотрудник фильмопроката посвятил меня в «секреты» снабжения кинокартинами колхозного экрана.

— Фильмы на широкой пленке,— объяснил он,— демонстрируются сначала в Саратове, где зимой имеется одиннадцать кинотеатров, а летом шестнадцать. Потом картина отправляется по городам области. Оттуда она возвращается в контору проката и идет по очереди в отделения. Их четыре: в Балашове, Вольске, Энгельсе и Ершове. Отделения отправляют фильмы по районам. А те уже — по кинопередвижкам.

— Пусть так, — говорю я. — Но ведь фильмов теперь выпускают много?

— Да, — подтвердил он, — названий действительно много. Только одни из них поступают в Саратов в семи—девяти копиях, а другие— в одной. Таких семьдесят пять процентов.

— И что же?

— А вот подсчитайте, когда и в каком виде дойдет эта единственная копия к колхознику. Особенно, если ему посчастливилось жить в районе, который в расписании окажется последним.

Я не замедлил заняться подсчетом.

В Саратовской области сельских населенных пунктов, где работает

Рисунок А. Каневского.

ДЛИНОЮ В ГОД...

стационар или передвижка, 1 909. Немало клубов и кинотеатров в городах. Значит, даже в том случае, если присылают 9 копий одного фильма, каждая рассчитана на обслуживание более 200 точек. При этом следует помнить, что в городах фильм демонстрируется зачастую неделями, а затем, перейдя в область, картина большую часть времени проводит в переездах. Да, права была Нина Плотникова: действительно, не меньше года продолжается путешествие фильма по области. Но это еще в том случае, если картину присылают в 9 копиях, что чрезвычайно редко. Когда же поступит в село фильм, выпущенный в одной копии?

Я предположил, что передвижки, большинство которых работает сейчас на узкой пленке, в лучшем положении. Ведь узкопленочная аппаратура на «коммерческих» городских экранах не применяется.

— Верно,— подтвердил сотрудник.— Только...

— Только что?

Только почти половина фильмов на узкую пленку не переводится, в том числе даже такие, как «Кочубей», а те, которые и печатаются, печатаются чрезвычайно малым тиражом. Зачастую изготовляется лишь 25—30 копий на всю РСФСР, да и то с огромным опозданием. Например, фильм «Евгений Онегин» вышел в феврале 1959 года, а на узкую пленку был переведен только в августе; «Последний дюйм» вместо июня — в сентябре и т. д. А теперь подумайте: только в Саратовской области 234 сельские кинопередвижки — они обслуживают около 1 000 населенных пунктов. Вот и посудите, когда и в каком виде фильм на узкой пленке дойдет до зрителя? Если вообще дойдет.

В той же Вязовке, в поселке Коминтерн и других селах и деревнях люди говорили мне:

— Как было несколько лет назад, так и поныне остается! Технику колхозам передали, артели укрупняются. А с передвижками дело ни с места.

Колхозники предлагали:

Антон Перескоков, старый колхозный активист из артели имени Калинина.—Пусть назначат хотя бы те же пять-шесть дней в месяц для показа фильмов, но заранее сообщат, какие именно дни и часы. Пусть вывесят в клубе расписание, ну хотя бы на месяц, чтобы мы знали, когда и что у нас пойдет, могли выбрать и подготовиться.

Клавдия Родионова.— А я считаю неверным, что передвижка дает только один сеанс, а не два. Два и народу удобнее и государству доходнее. Конечно, для этого организовать надо дело как следует, показывать новые фильмы, а не возить десять раз одно и то же.

Анна Кабаскина.—Не грех и о детях подумать. Хорошо бы для них время от времени специальные детские сеансы устраивать, а не пускать их в кино в те часы, когда им давно спать пора.

Юрий Чемаркин.— Помимо детских сеансов, не мешает систематически устраивать показ документальных и научных кинокартин, организовать специальные сеансы, составленные из нескольких небольших хроникальных фильмов...

Василий Завертнев. — Настало время отказаться от узкопленочной передвижки в деревне. Свою роль она сыграла. А сейчас? Увеличивается количество цветных фильмов, а узкая пленка цвет не передает. Изображение она дает хуже, чем широкая. Было у узкой преимущество: ее негорючесть. Но теперь и широкую пленку делают негорючей. Значит, и это отпало. А изнашивается узкая пленка куда быстрее. Выходит, что по всем показателям она «недотягивает». Только что перевозить удобнее. Вот и надо ее оставить для дальнего севера или для высокогорных аулов, куда добираться трудно, а остальным пора перейти на широкую.

Так размышляли колхозные зрители, так предлагали колхозные зрители.

...Вернувшись в Москву, я побывал в Министерстве культуры, в Управлении кинофикации и кинопроката, и поделился некоторыми не очень радужными впечатлениями от поездки. Меня пытались разубеждать.

— А знаете ли вы, что в 1959 году было введено по стране 5 тысяч новых киноустановок, а на 1960 запланировано еще 4 тысячи?

— А сколько установок было введено в 1958 году?

— Шесть тысяч.

Чем же объяснить, что с каждым годом все меньше? Может быть, все населенные пункты уже кинофицированы?

— Что вы! Нужда колоссальная. Возьмите, например, Кировскую область. Там 16 тысяч населенных пунктов, а киносеансы проходят только в 2 тысячах. Правда, во многих областях лучше, но потребность великая, и она растет день ото дня: запросы-то увеличиваются.

— Так почему же план 1960 года в полтора раза меньше 1958? Что вам мешает, что вас держит?

— Фильмы!

— Их тиражи!

— Проекционная аппаратура!

Я попросил дать мне небольшую справку. Через несколько минут справка лежала на столе. Вот она.

За прошедший 1959 год в кинотеатрах нашей страны (и то лишь по государственной киносети, не считая профсоюзной и ведомственной) побывало 2 миллиарда 637 миллионов зрителей. Из них почти половина, то есть 1 миллиард 127,5 миллиона человек, — это сельские зрители.

Пожелания, запросы, требования этих зрителей мы обязаны удовлетворить.

Рисунки И. МАССИНА.

— Дать вам постоянную прописку, гражданка Весна, мы не можем. Только на три месяца...

См. стр. 23.

Утро на площади Венеции (Рим).

ВСТРЕЧИ В РИМЕ

Евг. ПОПОВКИН Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Старый человек с морщинистым, очень усталым лицом подошел к столику, за которым мы сидели, учтиво приподнял шляпу.

— Если синьоры хотят выиграть сорок тысяч лир, то советую приобрести билеты только у меня,— сказал он вяло и без малейшего намека на юмор, к которому обязывал смысл предложения.— Удача гарантирована.

Старик извлек из пачки билетов фотографию красивой девушки.

— Вот кто принесет вам счастье,— сказал он.— Это моя дочь.

Продавцу билетов, видимо, нужно было во что бы то ни стало заработать. Заметив по нашим улыбкам, что доводы его малоубедительны, он ревниво отобрал фотокарточку, спрятал ее в замусоленную книжечку и попросил разрешения присесть.

— Если говорить серьезно, дочь, конечно, ни при чем. У нее самой нет счастья... Но, может быть, синьоры угостят стаканчиком фраскати, я мог бы рассказать о том, как бывший учитель Филиппо Папарелло стал продавцом призрачного счастья.

В небольшом ресторанчике, где мы сидели, посетителей осталось мало, но наш собеседник никуда не торопился.

— Я, кажется, сказал, что был учителем? — спросил он.— Был. Много лет. Потом у нас все стали болтать: «Ось Рим — Берлин—Токио». Дуче из кожи лез, чтобы не отстать от фюрера. А я говорил ученикам не то, что требовал Муссолини... Нет, коммунистом я не был... Когда я отсидел в тюрьме семь лет, началась война. Меня взяли в солдаты. На фронте узнал, что во время бомбежки погибла жена. Осталась дочь. Но она ослепла. Это произошло тоже во время бомбежки.— Продавец билетов прерывисто вздохнул.— Учителем я быть уже не могу, а существовать надо. Вот я и сулю всем счастье... А приду домой — есть нечего. Дочь ждет...

Старик впервые поднял на нас тусклые глаза, посмотрел пристально и тревожно. Пусть синьоры не подумают, что он просит помощи. Как-нибудь постарается выкрутиться... Конечно, жаль, что в билет, на который можно выиграть сорок тысяч лир, мало кто верит.

Вздохнув, он добавил:

— Все мы ходим по краю пропасти... Я говорю о войне. Лишь бы не повторилась война... Это было бы ужасно. И я слышал, что Хрущев делает все, чтобы она не повторилась...

До этой беседы со старым учителем в шахтерской траттории «Ла Карбонара», скромно приютившейся на площади Кампо деи Фиори, я видел Рим, который вот уже сколько веков влечет к себе древними памятниками, бессмертными творениями Микеланджело и Рафаэля, искусством Бернини и Боттичелли. Видел заполненную туристами площадь Святого Петра, Ватиканское государство, многолюдные музеи и картинные галереи Виллы Боргезе.

Ярко раскрашенные рекламные проспекты, на которых, кстати сказать, уже стояла пометка «Рим 1960 г. XVII Олимпийские игры», рекомендовали посмотреть Бани Диоклетиана и Каракаллы, замок Святого Ангела и площадь Пресвятой Троицы на Горах.

Нам, советским журналистам, говоря откровенно, хотелось избрать маршрут, отличный от проторенных туристических тропок.

Было явной удачей, что нашим гидом по городу оказался шофер Марио. Красивый и мечтательный парень, он отлично знал те близкие его сердцу места, где можно запросто встретиться с рабочим людом, провести время за бутылочкой легкого кьянти или чашечкой густого кофе в компании таких же простых, веселых ребят, как и он сам. К тому же Марио знал немало русских слов и хотя произносил их частенько на свой, итальянский лад, понять его вполне можно было.

— В Пьетралате и Куадраро вы увидите много друзей,—сказал он, садясь за баранку машины.—Это там, где народные дома...

Он вел автомобиль не только уверенно, а с артистической лихостью. Впрочем, в потоке автомашин не менее отважно и стремительно неслись на своих мотороллерах и легковушках монахини в огромных накрахмаленных головных уборах, бравые монахи в развевающихся сутанах.

Несмотря на молодость, Марио уже успел не один год походить в безработных, и то, что сейчас у него были и профессия и служба, возвышало его в собственном мнении. Разговаривал он с достоинством, веско. И свой город он старался показывать не с той стороны, с какой показывают его профессиональные гиды.

— Вилла Боргезе,— кивнул он в сторону парка, где мы накануне любовались шедеврами Бернини, Рафаэля, Тициана.— О, тут по вечерам собираются... Как их?.. Гаги. Стиляги... Пристают к девицам, сквернословят. Но рабочие парни, когда приходят, спуску им не дают. Частенько доходит до потасовок...

У Марио свой твердый, непререкаемый взгляд на девушек. Придерживая левой рукой баранку, он извлек из пиджака несколько фотографий.

— Моя невеста, — сказал он гордо.

Судя по тому, как девушка нежно обнимала на каждом снимке Марио и как светились глаза влюбленных, это была очень дружная пара.

— Заработаю больше денег — устроим свадьбу,— сказал Марио с легким вздохом.

Он рассказывает, как трудно в Риме с жильем. В городе десятки тысяч прекрасных квартир, но в них никто не живет: дорого.

— А сейчас вы посмотрите, какие квартиры у тех, кто трудится...

Мы едем по мосту, затем вдоль Тибра, куда-то сворачиваем. Наконец Марио останавливает машину на окраине, около полуразрушенной кирпичной стены. Это знаменитый акведук — водопровод, «сработанный еще рабами Рима».

— Куадраро,— поясняет Марио,— это и есть район новых народных домов. Любуйтесь!

Тут был свой, особый мир, очень далекий от того, который можно увидеть, скажем, на Виа Венето, Корсо или в районе Париоли с их респектабельными домами аристократов, сверкающими зеркальными стеклами магазинов, банков, отелей, ресторанов.

Здесь, в бедняцком предместье итальянской столицы, построены

в последние годы кварталы четырех- и пятиэтажных домов. Заселены они малообеспеченным людом. Но для города с двухмиллионным населением это не решение острой жилищной проблемы. Большая часть бедноты, безработных по-прежнему ютится тут же, рядом, в кое-как сложенных из камней, досок, гофрированного железа лачужках, прилепившихся к древнему акведуку.

На его стене, мимо которой шло шоссе, написано что-то черной краской. Марио перевел: «Протестуем против тех, кто угрожает свободе народа!» Надпись, видимо, кому-то не понравилась, она зачеркнута белыми дорожными знаками. Но белила поблекли, а надпись так и осталась.

— Народ сильнее полиции, — философически пошутил наш итальянский друг.

Мы направились к водопроводной колонке, возле которой женщины стирали белье. Они делали свое дело шумливо и проворно, помогая друг другу перетаскивать тяжелые лохани и ведра, оживленно переговариваясь.

Марио ввернул какую-то шутку, что-то шепнул, и женщины дружно повернули лица в нашу сторону.

— О-о! Совьетико! — азартно воскликнула шустрая черноглазая красавица с большими клипсами в ушах.— Совьетико!

Прервав работу, женщины окружили нас и, перебивая друг друга, заговорили так голосисто и темпераментно, что Марио вынужден был то и дело успокаивающе поднимать руку.

Он не сумел перевести всего, что с подлинно итальянской непосредственностью и экспансивностью торопились высказать женщины. Но главную суть он потом изложил.

— Их не очень пугает, что они еще не имеют просторного и удобного жилья. Привыкли жить так, как живут. Цены на продукты высоки, и с этим они тоже могут смириться. Но они говорят, что если правительства не сумеют поладить между собой и снова начнется война, тогда не будет иметь никакого значения, сколько лир стоят овощи и у кого какое жилище...

Все это Марио рассказывал, уже сидя за баранкой, по пути в Пьетралату, где нам хотелось взглянуть на другой район «народных домов», оставшихся в наследство от Муссолини.

— В рабочих предместьях,— заметил Марио,— если читают газеты, то больше коммунистическую «Унита», чем другие. Поэтому здесь знают, что предпринимает Советский Союз, чтобы не было войны...

Замечание его подтвердилось спустя несколько минут, когда мы подъехали к Пьетралате и сошли у одного из многих домиков, похожих скорее на коробки, нежели на человеческие жилища.

— Вот так в тридцатых годах правительство Муссолини строило квартиры для рабочих,— показал рукой Марио.— Чтобы убрать их из центра... Да вон Джорджо лучше моего расскажет, как они здесь живут. Эй, Джорджо!

Рослый худощавый мужчина, чинивший невдалеке велосипед, прислонил его к стене и подошел к нам. Мы обменялись рукопожатиями.

В парке Виллы Боргезе. Даже детские забавы фирма «Кока-кола» ухитрилась использовать для рекламы.

— Совьетико?! Спутник! Манифико!

— Он говорит «прекрасно»,— перевел Марио.

Джорджо, живущий с семьей на скудные заработки скупщика старой одежды, оказался толковым и довольно начитанным человеком.

— Я знаю, как много новых домов строится в вашей стране для рабочих,— сказал он.— И знаю, что плата за квартиру у вас очень невысокая. А вы посмотрели, как мы живем?.. Как только река разливается — вон там она течет,— нас затапливает... Крысы выбираются из подвалов наверх... Бывали случаи, загрызали младенцев... Марио, подтверди!..

Джорджо говорил страстно, хмуря густые черные брови, размахивая руками, закуривая одну сигаретку за другой.

— Я мог бы быть водопроводчиком, знаю слесарное дело, умею водить машину,— продолжал он.— Все это делал, когда вернулся с фронта. Но попробуй устроиться, когда такая безработица!.. Вы смотрели картину «Рим в 11 часов»? Тогда вы все поймете и без меня...

Он очень хорошо был осведомлен о жизни таких же тружеников, как сам, этот симпатичный и неудачливый трудяга из Пьетралаты. Знал, что средняя зарплата у рабочего и служащего не превышает сорока—сорока пяти тысяч лир, тогда как прожить с семьей в четыре человека, и прожить очень скромно, можно лишь на шестьдесят пять—семьдесят тысяч лир.

— Даже в «Мессаджеро», проправительственной газете, я читал, что дальше так нельзя жить...

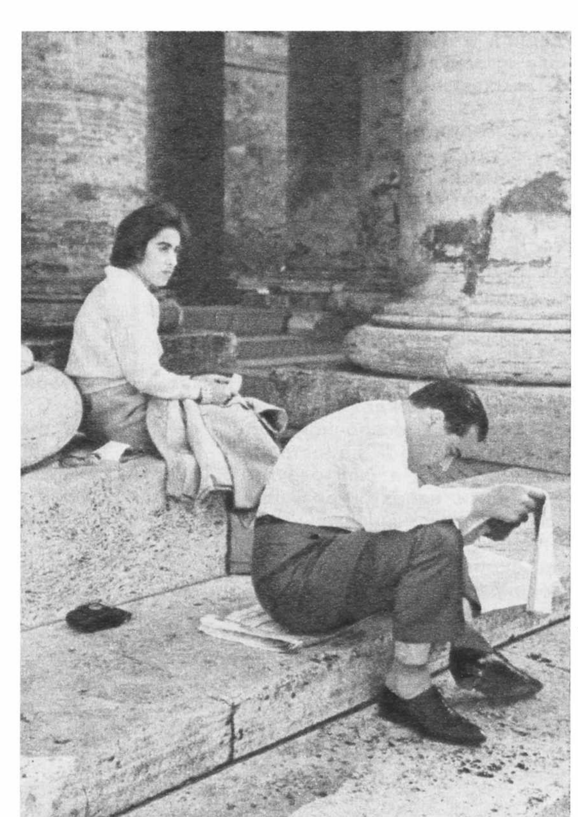
— Ты, кажется, хотел в партию записываться? — спросил Марио.— В христианско-демократическую.

Джорджо кивнул:

— Собирался. Томиазо Ломбарди — помнишь его, бывший садовник? — он тоже хотел. Передумал. Они на словах поддерживают таких, как мы. Но лишь на словах!

Когда мы прощались, Джорджо, крепко пожимая руки каждому из нас своими огромными, сильными ручищами, произнес с покоряющей, доброй улыбкой:

— Привет вашей стране! Будете вспоминать Рим, знайте, что у вас здесь много друзей...

← На площади Святого Петра.

На римском рынке. → За разделкой рыбы.

СТАРИК С АРБУЗОМ

Рассказ

Виктор ЛОГИНОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Пассажир глядит на прохожего свысока, и прохожий легко убеждается в превосходстве едущего; он робко жмется к обочине, потешно отфыркивается, задыхаясь от пыли; он может натереть на пятке кровавую мозоль и промокнуть под дождем... Но не надо безмерно гордиться, граждане пассажиры: у идущего по земле есть свои преимущества!

Недавно мне захотелось побывать на одной животноводческой ферме, расположенной в глубине владений известного на Кубани сахарного завода. Я приехал в станицу и сгоряча зашел к директору: мол, не возведете ли вы меня в ранг счастливого пассажира?.. Директор любезно предложил мне стул, но, узнав, что я действую не по заданию какого-нибудь органа, а самолично, по собственной прихоти, сразу же охладел ко мне и быстренько отослал к своему помощнику. Помощник, догадливый человек, тоже не стал со мной церемониться: он пообещал мне лошадей, которые непременно должны подъехать откуда-то в недалеком будущем.

Я понял, что меня ждет незавидная участь пешехода.

Когда-то я исходил пешком чуть ли не половину нашего края, ночевал в копнах сена, на соломе, на крыльце правления колхоза, рядом с молчаливым, как ночное небо, сторожем. А потом я два года жил в Москве и как-то незаметно отвык от путешествий. Теперь меня уже пугали эти семь-восемь километров, отделяющие главную усадьбу от фермы...

Но делать было нечего, и я, погрустив минутку, вышел в степь, сопровождаемый августовским солнцем и ветром. И как только я очутился в степи, среди знакомого, милого сердцу раздолья, и все пыльные запахи конца лета ударили в нос и закружили голову, во мне снова проснулась и заговорила, стала звать вдаль неизъяснимая страсть бродяжничества.

Нет, не надо гордиться, граждане пассажиры: у идущего по земле есть-таки, есть свои преимущества! Каждый цветок в придорожной канаве принадлежит ему, каждая птица поет для него, он может свернуть с дороги, остановиться, сесть, если ему это понадобится, и даже уснуть под любым кустом — все это в его власти. А если у него имеется цель, он может идти безостановочно, думать в одиночестве и всю дорогу слушать посвисты ветра.

Впрочем, безостановочно идти трудновато, особенно с непривычки, да еще в ботинках, приспособленных для хождения по городским тротуарам: на ухабах проселочной дороги они вдруг выказывают все свои недостатки.

Облюбовав местечко, я сел, разулся и уже хотел задрать ноги кверху, как вдруг сбоку послышалось легкое покашливание. Метрах в двадцати от меня, на краю кювета, похожем на бруствер окопа, сидел человек. Это был старик с непокрытой головой, сивый, лохматый от обилия волос на лице и затылке, с бровями, растущими вверх. На коленях у него лежал початый арбуз, багровый, как вечернее солнце, предвещающее ветер. В руке старик держал только что отрезанный сочный ломоть.

— Ты что же это сел, как будто промежду нас граница, — сказал он басовито, но уже со старческой хрипотцой и беззастенчиво стал разглядывать меня. — Придвигайся, арбуз хороших едоков любит.

Я собрал ботинки, походную сумку и, осторожно ступая босыми ногами, подошел, поздоровался.

— Давай, прилаживайся на бугорок. Далеко путь?

Я назвал место.

Старик левой рукой прижал арбуз к груди, а правой ловко вырезал перочинным ножом мясистый, засахарившийся, так и повеявший на меня прохладой кусок и протянул на кончике ножа.

— Снимай. Эликсир.

«Слова-то какие знает», — подумал я, с интересом разглядывая словоохотливого старца. Под серым, видавшим виды пиджаком у него была линялая майка с полосой на груди, штаны в заплатах, на ногах стоптанные чувяки — одежда немудрящая, а уж если говорить правду, подзапущенная и обветшалая. И все-таки она не производила удручающего впечатления, не имела при внимательном осмотре первейшего значения. Гораздо значительнее и важнее для полного портрета было мохнатое лицо старика: оно сразу же бросалось в глаза, и не только своей буйной растительностью, а скорее уверенным и спокойным выражением еще не выцветших голубоватых глаз, ярким ртом и почти целыми, чуть тронутыми чернотой зубами. Старик был еще крепок и, видно, не часто жаловался на здоровье.

«Кто он — странник, прячущийся за бога от земной нелегкой работы, просто бродяга, живущий подаянием, или обыкновенный рабочий человек, путник, пешеход, как и я?» — мелькнуло у меня.

И тут вдруг старик, высосав свой ломоть, прямо-таки огорошил меня вопросом:

— Про что писать-то думаешь?

Я от удивления раскрыл рот:

— Откуда вы знаете, что я писать собираюсь, дедушка?

Старик неторопливо и как-то уж очень умело отрезал еще два ломтя — тоненькие зеленые полоски корки и на них тяжелые, истекающие соком куски мякоти, подал мне один из них и сказал с привычным превосходством старого человека:

— Как проживешь с мое, хлопец, и ты людей по обличью распознавать будешь. Мне сейчас на любого гражданина покажи, я без промедления скажу, по какому он ведомству и что за птица такая. Манера выдает себя. И не уйти, не скрыться человеку от манеры.

— Какая же такая манера? — спросил я.

— На лице и в теле, — уверенно ответил старик. — Другие это осанкой называют, только неточность в этом употреблении есть. Я свою манеру и в глазах чую, а какая же осанка в глазах может быть? Осанка — в животе, в костюме, в ходьбе. Едет, предположим, человек, вылезает из машины, гляжу — из райкома. Другой едет — ну, этот из райисполкома. А этот и вовсе какой-нибудь мелкий агент-заготовитель. Тот вон, опрятный, такой любезный, скромно одетый, — учитель. — Он показывал пальцем на дорогу, словно люди, о которых он говорил, проходили мимо. — А ты ни под одну мерку не подходишь. Значит, по газетной части, собираешь последние известия. Все приметы твои. Я, хлопец, двадцать лет на бахче просидел, какого только народу у меня не перебывало!..

— А-а! — протянул я. — Я ведь тоже гадал. И не угадал. Даже подумывал: не божественный ли странник какой?

Старик покачал головой, засмеялся:

— С богом я давно рассчитался, хлопец. Наш станичный библиотекарь отучил меня от бога. Понял я, что религия в прямом смысле фантазия. Так, я спрашиваю, про что думаешь писать? Или секрет?

Я сказал, что есть тут один молодой парнишка, бригадир фермы, окончил в прошлом году институт, я интересуюсь, как он живет, работает; может, и напишу...

— Молодой, значит? — переспросил старик. — В песне поется: молодым везде у нас дорога. Но в песне и другие слова есть: ста-

рикам у нас почет. — Он усмехнулся. — Почет — кто сечет, а кого секут — в Сибирь упекут. Этак-то еще мой отец говаривал, в старые годы. Теперь никого не секут, а неуважение к старикам еще имеется. По-всякому не уважают. Кто не поклонится, кто место не уступит, а бывает неуважение и посерьезнее. Я, к примеру, двадцать лет на бахче просидел. Дождь, ветер, темень. Труд? Самый он и есть труд. А кто-нибудь обо мне хоть слово написал? Ни плохого, ни хорошего, как будто не живет человек на свете. А какой-нибудь школьник, внук мой, на бестарке зерно с тока возит... Лишнюю бестарку отвез — хлоп, статья в газете. Или я чего-нибудь недопонимаю? — покосился на меня старик.

Его рассуждения заинтересовали меня. Я сказал, что бывают огорчительные случаи...

— Не о том пишете! — перебил меня старик. — Главное упускаете. Послушай-ка историю. — Он подал мне очередной ломоть арбуза, помолчал минуту и начал: — Был в нашем совхозе такой же, как и я, сторож, моих лет старичок. Много лет на бахче просидел, и ни разу за ним никакой утайки, воровства, одним словом, не замечалось. Честный был старик, что тут зря говорить! Хоть у себя пусто, да было бы людям густо. А директор совхоза у нас... — старик плюнул, — пусть его черти в аду помянут недобрым словом! Подъезжает он как-то к бахче и кричит: «Куда, такой ты, сякой, арбузы делись? Я знаю: их было больше! В тюрьму за воровство упеку!» «Нет, — отвечает старик, — неправда твоя, директор: арбузы все на месте, и вором ты меня называть не имеешь права». «Врешь! — кричит директор. — Я проверю!» «Проверяй, директор, арбузы у меня все меченые, три тысячи пятьсот пятьдесят арбузов на бахче. А которые сорваны, номера их у меня в тетрадке записаны». Прошелся директор по бахче, видит: все арбузы, один за другим, с номерами. «Ладно, — говорит, — ты уж меня извини, старик, погорячился». «Нет, не извиню, — говорит старик. — Пусть тебя бог извинит, если он права на это имеет. А меня ты, будь добр, рассчитай с сегодняшнего числа по собственному желанию, потому что в ворах я никогда не ходил и не хочу этого впредь. Я не один год верой-правдой служил, а ты мне не поверил. Не веришь — ищи другого». И ушел сторож. Честному — простор, а недоверчивому — и покойник вор. Как история?

— Любопытная, — отозвался я.

— А мораль какова?

— Директор теперь крепко задумается, как по-настоящему уважать своих работников.

— Не то! — решительно покачал головой старик. — Научились люди свое человеческое достоинство блюсти. Гордость свою рабочую почуяли. Я читаю газету: завод построили, плотину, рекорд установили. Все верно. А то, что человек душу себе новую построил, где об этом написано? Много ли пишут?

— Не много, — сказал я, только сейчас поняв смысл рассказанной стариком истории.

— Вот то-то и оно! — весело подытожил разговор сторож. — О том и речь, что надо, как очи, беречь. Ну, хватит есть, да и арбуз весь. — Он побросал корки на дно кювета, чтобы они не портили вид зеленого уютного бугорка, и встал. — Счастливо тебе, хлопец! Опиши того бригадира: молодым известность, может, подороже, чем старикам. Молодым — дорога, а нам уж и до могилы немного. Бывай здоров! — И он пошел к станице, слегка припадая на левую ногу.

— Папаша, о каком совхозе вы рассказывали? — спросил я вдогонку.

Он обернулся, усмешливо проговорил:

— Сказал бы, да мой приятель запрет мне сделал.

Так он и ушел, не сказав больше ни слова, сивый, лохматый и немножко таинственный.

Когда он скрылся с глаз, я случайно обратил внимание на оставшуюся после нашего пиршества большую арбузную корку; она лежала вверх дном, и на ней явственно выделялась цифра: 1541.

Я обулся и отправился дальше. Бодрое, молодящее душу ощущение свежести после этого разговора долго не покидало меня. Я припоминал все оттенки нашей беседы, строил планы на будущее и думал о сладкой участи пешехода.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ГОСТЬ У КОСТРА

Облупленные морды.
Костер.
Ручей.
Мы молоды и голодны,
Как сто чертей!

И Лялька, Лялька
В фуфаечке тугой,
Лохматая, как лайка,
Хохочет над ухой.

Хошь — не хошь,
гож — не гож, —
Гость!..

И гость садится к чайнику.
Он хмур не по годам.
Щетина, как лишайник,
Сползает по щекам.

Упруги щечки пресные,
Как пара ягодиц.
«...Мы с вами вроде
сверстники,
Хоть я иеговист.

Мы поколенье лишнее,
Мы маски без лица.
В любви мы знаем лифчики
И никогда — сердца.

Стареющие женщины
Учили нас любви.
Отсюда горечь желчная
И пустота в крови.

В эпоху изотопов,
Реакторов, пластмасс
Я, человек, затоптан,
Я мразь. А вы про Марс...

Вы все ханжи и хлюпики».
Смеркалось.
И впотьмах
Его носище хлюпал,
Как сношенный башмак.

А Лялька, Лялька, Лялька —
Ой, сатана! —
Ему
рюкзачной
лямкой
По роже:
«На! На!
Газеты — пропаганда?!
А Братск?!
А Сталинград?!
Поганка ты, поганка!
Гад! Гад! Гад!»

О, как она хлестала!
А после у ольхи
Как она
роняла
Слезинки в угольки!

ОДА СПЛЕТНИКАМ

Я славлю скважины замочные.
Клевещущему —
Исполать.
Все репутации подмочены.
Трещи,
Трехспальная кровать!

О сплетники! О их рассказы!
Люблю их царственные рты!
Их уши, точно унитазы,
Непогрешимы и чисты.
Их приговоры, точно бирки,
Прилеплены к любой
судьбе...

Я жил тогда в Новосибирске
В блистанье сплетен о тебе.
Как пулеметы, телефоны
Меня косили наповал.
И, точно тенор анемоны,
Я анонимки получал.

Междугородные звонили.
И голос, пахнущий ванилью,
Шептал, как ты дуришь
с тоски
И с кем целуешься в такси,
Что таешь, таешь льдышкой
тонкой
В пожатье пышущих ручищ.

Я возвращался.
На Волхонке
Лежали черные ручьи.
И все оказывалось шуткой,
Насквозь придуманной виной.
И ты запахивала шубку
И пахла снегом и весной.
Любимая, Наташа, чудо,
Чистейшая среди клевет!
Чем траурнее пересуды,
Тем чище
Твой высокий свет!
Вот так безрукая Венера
Стоит,
Прожектором взвита.
На черном бархате вернее
Разгневанная чистота.
Так ложь становится
гарантией
Твоей любви, твоей тоски...

Орите, милые, горланьте!
Да здравствуют клеветники!
Смакуйте, дергайтесь от тика!

Но почему так страшно тихо?

Тебя не судят, не винят,
И телефоны не звонят.

— Мне 100 миллионов эскимо, 100 миллионов пломбира, 100 миллионов...

— Прием солнечных ванн отменяется, так как товарищ Светило будет сейчас проводить совещание.

Профессор: — Я очень рад, что мои студенты с вами дружны. Только, пожалуйста, почаще напоминайте им о весенней сессии.

— Ваши стихи теплые, весенние, я бы сказал... Но мы уже готовим осенний номер журнала.

ПЯТНА НА КУРОРТНОМ СОЛНЦЕ

Еще древние греки называли это море Гостеприимным. Что бы они сказали теперь, если б увидели, как устремляются к его берегам океанские дизель-электроходы, реактивные самолеты, электропоезда, автобусы и целые стада автомашин? Все это извергает на теплую морскую гальку десятки тысяч бледнолицых мужчин и женщин, объятых желанием почернеть. Видимо, есть смысл и в том, что позже это море стали называть Черным.

Но сейчас, когда пишутся эти строки, оно почти Пустынное. До лета сравнительно далеко. Галька холодная. И поезда проносятся мимо...

Но уже начинают составляться графики очередных отпусков. На семейных советах подсчитываются ресурсы. И встает вопрос: куда, в какую сторону направить свои стопы?

Спешим оговориться: это, конечно, не проблема. Курортов у нас много: дальних, ближних и совсем близехоньких, так называемых местных. И все же многие тянутся к Черному морю.

Вот Сочи в 1956 году. Отдыхает 300 тысяч человек. В следующем — их уже 400 тысяч. Затем более полумиллиона. Наконец, около 700 тысяч. Это превышает всякие возможности нормально разместиться.

Не меньший наплыв отдыхающих выдерживала в прошлом сезоне Ялта, переполнены были Гагра, одесские курорты и многие другие приморские городки и села. Мы задались целью подсчитать, хотя бы на глазок, сколько любителей Черного моря навестило в прошлом году его берега от Батуми до Одессы. Оказалось, почти 4 миллиона! Такой нагрузки не выдерживал этот узенький край суши, наверно, за все годы своего существования.

Это, конечно, хорошо: повышается «курортоспособность» советских людей, все больше тружеников получает возможность полечиться у моря или просто погреться под солнцем у его берегов. И именно поэтому хочется поговорить о «пятнах» на «курортном солнце», о всем том, что приходилось слышать от курортников, читать в их письмах, полученных редакциями. Казалось бы, не время затевать этот разговор. Но, вспомнив пословицу насчет саней и телеги, мы вопреки традиции хотим поговорить о лете именно сейчас.

ЛЕД ТРОНУЛСЯ!

Быстрокрылые вертолеты переносят теперь курортников из Гагры в Сочи, из Сочи — в Адлер, из Симферополя — в Ялту. Горная троллейбусная линия соединила Симферополь с Алуштой, тянется к Ялте. Все эти удобства появились в минувшем сезоне.

Стоило заговорить о палаточных городках — и, словно грибы после дождя, высыпали они в прошлом году возле тринадцати сочинских санаториев. Палаточные пансионаты появились и на абхазском побережье. А в Ялте завод имени Лихачева, Луганский тепловозостроительный, Днепровский алюминиевый, Харьковский электромеханический построили летние спальные корпуса для своих рабочих и специалистов. Этим летом такие же корпуса ждут днепродзержинских металлургов, никопольских трубников, энергетиков Приднепровья. Нынче же в Ялте начнется строительство двух летних городков отдыха на 1 800 мест.

Сердце черноморского завсегдатая должно радоваться. Куда уж дальше, если даже в Гагре, в той самой Гагре, где потчевали приезжих гостиницей времен принца Ольденбургского, в этом году появилась наконец новая, хорошая, настоящая гостиница!

Несколько озадачивает на этом фоне состояние одесских курортов. Например, то, что на территории крупной здравницы «Россия» все еще торчат перед глазами отдыхающих остатки сожженных и рухнувших во время войны корпусов; что не полностью восстановлен Лермонтовский курорт и совсем исчез с лица земли великолепный грязевой курорт имени ЦИК Украины для колхозников на берегу Хаджибеевского лимана. Курорты, оказывается,— единственная отрасль в многообразном хозяйстве города-героя, которая не превзошла, более того, не достигла довоенного уровня.

Но все же в Одессе постарались не отстать от века и в прошлом году открыли на Большом Фонтане и в Отраде пансионаты.

Словом, лед тронулся.

Одесский механический завод, освоив производство альфалучевого ионизатора, начал снабжать местные санатории этим замечательным аппаратом, излучающим исны кислорода. Грузинские медики собираются в отдельных санаториях внедрять кумысовое и виноградное лечение. Ялтинцы усиленно продвигают метод лечения сном у моря.

Всего этого было бы достаточно, если б речь шла о тех «доисторических» временах, когда курортная земля не имела «спутников».

ПОЗЫВНЫЕ ИДУТ СО «СПУТНИКОВ»

Год от года курорты стали переполняться и выплескивать пестрое, беспокойное, неорганизованное племя в соседние населенные пункты. Так возникли искусственные «спутники» курортной земли, разные Новомихайловки и Джубги, Гантиади и Леселидзе, Рыбачьи и Черноморские. Есть они возле каждого большого курорта. Это села или поселки, расположенные на берегу. В них живут колхозники, рабочие совхозов, рыбаки. У них свои столовые и магазины, свои рынки, аптеки и колодцы.

Полгода они живут вполне нормальной, размеренной жизнью. Но вот наступает купальный сезон.

— Хозяюшка, не сдадите ли комнатку?

Да, разумеется, почему бы не сдать? Людей жалко, и лишние деньжата не помешают. А самим можно потесниться.

И поселок начинает лихорадить. Ларьки опустошаются. Не хватает хлеба. От тесноты и скученности появляются мусор, мухи, болезни.

«Дикие» принимаются роптать:

— Нас не обслуживают...

Впрочем, это не совсем так. В Гагре, например, вняли позывным со своих «спутников». Так и записали: «Учитывая важность всестороннего обслуживания отдыхающих без путевок, исполком Гагрского райсовета депутатов трудящихся решил...»

Далее следует ряд пунктов о создании филиала квартирно-посреднического бюро в Лидзавском, Гантиадском и Леселидзевском сельсоветах, о твердых тарифах на койки, о санитарном надзоре и пр. и пр. Решение состоялось в июне 1956 года. А что изменилось с той поры? Решительно ничего. Только появились в поселках люди с квитанционными книжками в руках. Подойдет такой человек к отдыхающему, посмотрит на него ясным, твердым взглядом.

— С вас десять рублей.

— Пожалуйста. Но за что?

— За возмещение организационных расходов.

Есть, оказывается, и такой пункт в решении. Правда, там сказано: «Разрешить квартбюро взимать единовременно по 10 рублей за каждую койку с **квартиросдатчиков...**»

Но не будем мелочны. Десять рублей — не бог весть что для человека, приехавшего на курорт. Однако десятка, помноженная на десятки тысяч (а в поселках Гагрского района отдохнули в прошлом году десятки тысяч!),— это уже сотни тысяч рублей. Любопытно, кто же и как распоряжается этим странным ясаком?

А ведь им можно было очень неплохо распорядиться! Возьмем, например, раскладушку. Знаете ли вы, что такое раскладушка на отдыхе? Вы ее берете, любезную, в руки, складываете наподобие книжки с застежкой, бросаете внутрь полотенце, ласты, купальный костюм, книжку и шагаете к морю. Нет лучше подруги на море, чем милая, скромная раскладушка. А главное, просто-то как: зашел в прокатный пункт, уплатил целковый...

Но где они, эти прокатные пункты? Где приобрести во временное пользование морской зонт, акваланг, надувного крокодила?

Мы понимаем: ни дирекции совхоза, ни правлению колхоза «по штату» не вменяется в обязанность обслуживание отдыхающих. Но разве хороший хозяин будет в убытке от того, что организует у себя летнюю сезонную столовую для приезжих людей или построит летний кинотеатр? А прокатные пункты — это же «золотое дно»!

Недавно специальная комиссия обследовала несколько крымских сел. Решено на их территории создавать новые курорты. Появятся они и на других участках побережья. Жизнь подсказывает, что процесс превращения приморских колхозных и совхозных поселков в курортные неизбежен. Со временем многие «спутники» станут вполне самостоятельными «планетами». Именно это сейчас и происходит с маленькой, тихой Пицундой.

ТАКОЙ БУДЕТ ПИЦУНДА

Пицунда — это подарок природы. Представьте себе мыс, глубоко вдающийся в море. На берегу, чуть ли не у самой воды, на многие километры раскинулась сосновая роща. Сосны высокие, стройные, пахучие, и будто веет от них утром мироздания. Только это не будто. Роща на самом деле особая, заповедная. Ученые говорят, что это кусок флоры тех времен, когда на земле лишь начали появляться первые человекообразные обезьяны.

Позже эту рощу облюбовали люди, о чем много интересного рассказывают археологи, которые ведут сейчас на Пицунде раскопки. Ныне здесь расположился молочно-овощной совхоз со всеми своими фермами и угодьями.

Надо сказать, что всякая живность чувствует себя на Пицунде превосходно. Но справедливее было бы уступить этот редкий по красоте уголок земли в полную власть человека.

И прекрасно, что год тому назад было принято решение о развитии курорта Пицунда. Строить его поручено тресту Закметаллургстрою. Недавно он отлично справился со строительством в Грузии ядерного реактора. А теперь начал и эту оригинальную стройку.

В самом деле, то, что делается сейчас на Пицунде, не имеет пре-

МАСТЕРА КИТАЯ

Ваза из нефрита работы пекинских мастеров.

Фото агентства Синьхуа.

← Ваза «Дары осени» работы пекинских мастеров.

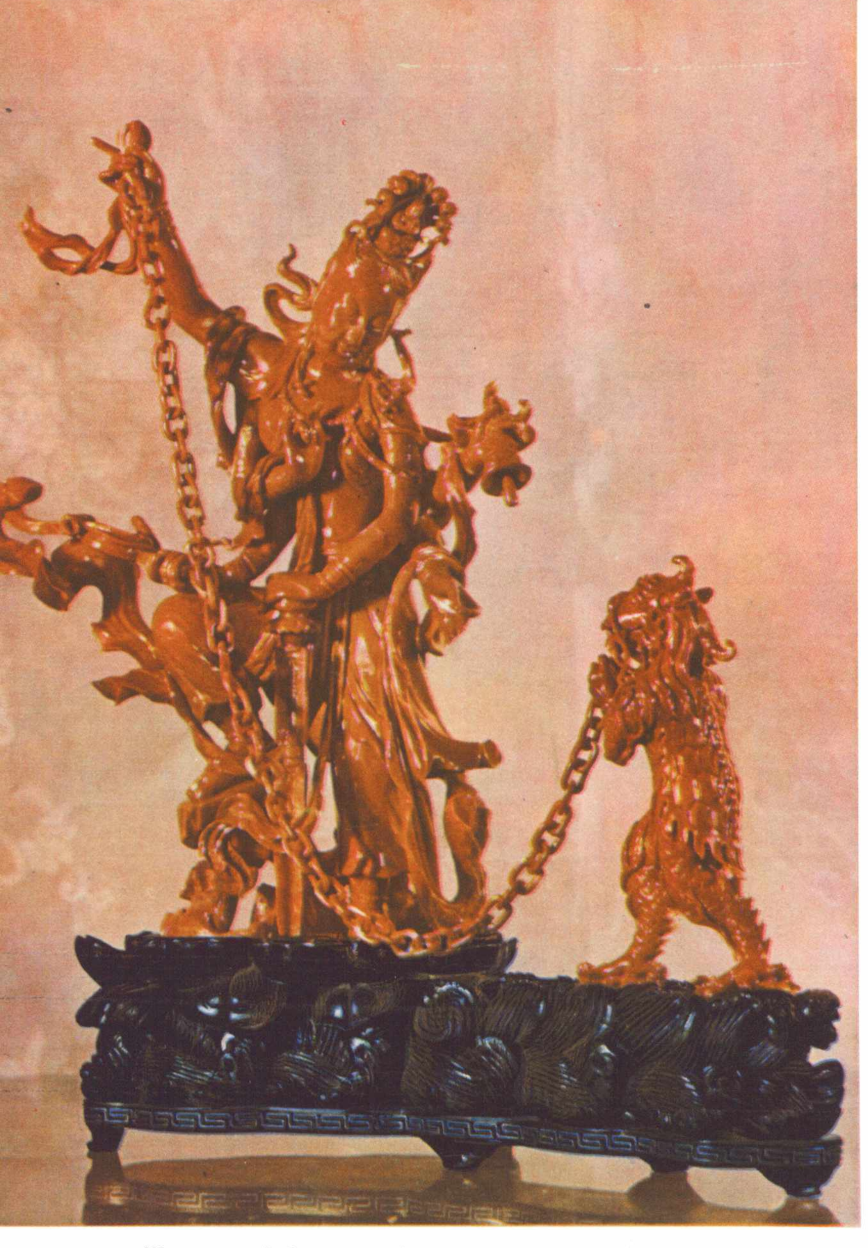
Глиняная статуэтка «Служанка, несущая вино» мастера Чжан Цзин-ку. →

↓ «Фрукты» — резьба по камню (провинция Фуцзянь).

«Дети с кукурузой» — резьба по слоновой кости (провинция Гуандун). ↓

«Шестирукий будда» работы пекинского резчика Пань Бин-хэна.

«Цветы» — резьба по слоновой кости. Работа пекинских резчиков во главе с Ян Ши-хуэем.

Скульптурная группа «Рассказ о Красной Армии» (провинция Шэньси).

цедента в истории курортного строительства в нашей стране. Пицунда будет городком нового типа.

Не станем описывать, какие тут придуманы курзалы, спортивные площадки, как будут оборудованы пляжи. Бригада архитекторов, прежде чем составлять этот проект, хорошо познакомилась со всеми новинками на лучших курортах мира. Надо полагать, что Пицунда будет построена с должным размахом. Ведь она рассчитана на 10 тысяч отдыхающих! Это больше, чем вмещают сейчас курорты всего абхазского побережья.

Но нам хочется отметить то новое и важное, что появилось вместе с идеей Пицунды. Наконец-то в центр внимания здесь поставлена всеми забытая фигура Здорового Человека!

Да простят нам больные, но до сих пор, заговаривая о приморских курортах, мы только и делали, что бранили «здоровых». Они-де проникают во все курортные щели, от них просто житья нет! Мы, видимо, забыли, что здоровых людей на курортах больше, чем больных. Давайте же позаботимся о них получше, чтоб они хорошо отдыхали, чтоб не умножали ряды больных и не теснили их на тех курортах, которые принадлежат только больным!

Вот тогда-то и решится наконец проблема «больных» и «здоровых», не нужно будет создавать специальных курортно-отборочных комиссий, не станет простаивать в санаториях ценное медицинское оборудование, исчезнет спекуляция частной жилплощадью и очень многие «жгучие» вопросы курортного быта разрешатся сами собой.

НА ПРОСТОР МОРСКОЙ ВОЛНЫ!

Летний отдых на побережье — понятие очень емкое. Оно выходит далеко за пределы санаториев, гостиниц, пансионатов. Скажем так: оно выходит за пределы берега, на простор речной волны. К сожалению, пока лишь речной.

В прошлом году каждые восемнадцать дней дизель-электроход «Советский Союз» совершал прогулки по маршруту Днепропетровск — Херсон — Николаев и обратно. Одесское курортное управление организовало на этом судне плавучий дом отдыха. И в этом году «Советский Союз» будет арендован у Днепровского пароходства. Но в Одессе есть и Черноморское пароходство и куда более увлекательный маршрут по Крыму и Кавказу! Говорят, что здесь все так перегружено пассажирскими перевозками, что свободного судна для организации дома отдыха выделить невозможно.

...Мы сидим с капитаном Элизбаром Шабановичем Гогитидзе в его каюте на «Грузии», совершающей свой очередной зимний рейс.

— Не подумайте, что я забочусь о своем судне, — говорит он. — Мы плаваем круглый год, и не о нас речь. А теперь посмотрите сюда.

Он берет чистый лист бумаги.

— Сколько месяцев в году? Отбросьте четыре. Это сезонные месяцы, когда пассажиров хватает сверх меры. А что потом? Потом огромные суда болтаются из рейса в рейс полупустые. А еще ближе к зиме? Стоят. Якобы ремонтируются. На самом деле бездельничают. Молчат машины «России» и «Адмирала Нахимова». Смотреть больно! В это время на борт можно взять отдыхающих. Предположим, восемьсот человек. Средняя цена путевки — тысяча двести... Теперь посмотрим на это глазами людей, которым не вышел летний отпуск, а к морю их все же тянет. У них путевка на двадцать четыре дня: четырнадцать ходовых и пять стоянок по двое суток каждая. Люди посмотрят Одессу, Ялту, Сочи, Сухуми, Батуми. В Батуми дождь? Ну и что же? Снялись с якоря и махнули вслед хорошей погоде. И качки пусть никто не боится. Судно, не связанное расписанием, может выбирать себе любой курс и избежать качки. Дело стоящее!

Элизбар Шабанович комкает листок, на котором только что набрасывал цифры, и улыбается.

— А знаете, каким красивым, каким упоительным бывает море зимой?..

Да, знаем, конечно. И поэтому мы на стороне капитана. Косность Черноморского пароходства в этом вопросе нам непонятна.

МОРЕ ПОД КУПОЛОМ

Зимой мы привыкли говорить о лете, мечтать о нем, «драться» за летние отпуска. А скоро может наступить такое время, когда многие предпочтут ехать на море зимой. Вопреки традиции помечтаем на этот раз о зимнем море.

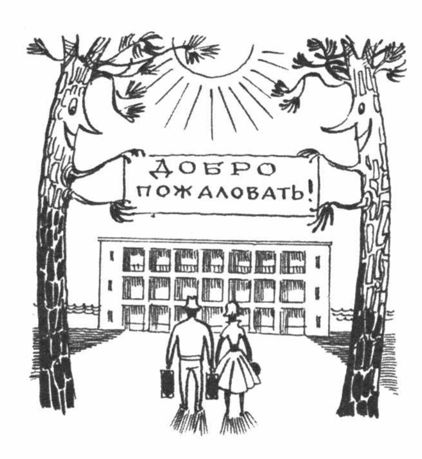
Вот вы приезжаете на морской курорт в январе — феврале. Перед вами громадное куполообразное здание. Внутри тепло, плещет морская вода, хрустит под ногами горячий песок, воздух насыщен ионами кислорода, лампы излучают искусственное солнце. Это — «крытое море», спроектированное главным архитектором Грузинского института курортологии Иосифом Георгиевичем Заалишвили. Разумеется, оно не в состоянии полностью заменить естественный пляж со всеми его красками, звуками прибоя и прочим чародейством. Но то, что оно целительно, это бесспорно. То, что его можно осязать, также. А для воздействия на все остальные органы чувств рядом настоящее, неподдельное море, на берегах которого в эту пору не жарко и не тесно.

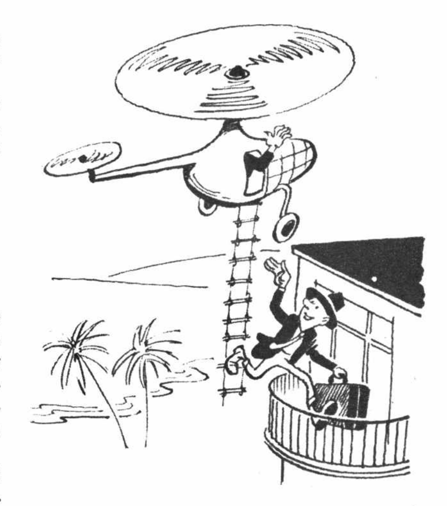
Любопытная деталь: узнав об этом проекте, люди уже пишут и спрашивают, где купить путевку на «крытое море». А оно еще только в рисунке архитектора, даже не в технических чертежах. Оно еще идея.

Развивая ее, архитектор пошел дальше.

Перед нами макет застройки морского курорта вокруг «крытого моря»: длинный, узкий «змеиный позвоночник». Каждый «позвонок» — двухэтажный пансионат. «Позвонки» плотно примыкают друг к другу, а земли они касаются лишь одной высокой трехметровой ножкой. Это значит, что под ними тень и можно уютно расположиться в шезлонге с книгой в руках.

Один такой «позвоночник» растянулся вдоль берега на несколько километров, другой — лег подковой вокруг «крытого моря». Крыша у всех этих легких, изящных домиков плоская и сплошная. Ей, кажется, нет конца. На ней вся жизнь курорта. Она и набережная для прогулок.

Жаль, что все это пока лишь в макете...

Мы стоим перед ним и думаем о суммах, которые отпускает наше государство на курортное строительство. Они колоссальны. Знаете, сколько предстоит освоить в этом году одним только ялтинским строителям? 250 миллионов рублей! А часть того, что будет построено, уже заранее обречена на зимний простой. Мало кому хочется ехать на побережье без надежды поплескаться в морской воде. И как все изменится, если на море возникнут «моря», хотя бы и такие, под «крышей»! Ни один санаторий, дом отдыха, пансионат не будет стоять на запоре. Рестораны и кафе, филармонии, магазины, транспортные конторы — все это оживится, выйдет из зимнего оцепенения. Все станет рентабельным, полноценным, экономичным.

Так за чем же дело стало? Почему лежат без движения проекты думающего, ищущего архитектора? Может быть, они не пригодны? Может быть, надо вокруг них поспорить, найти лучшие решения? Только не надо их не замечать. Проблема зимнего курорта — одна из самых острых, насущных проблем на побережье.

...Пройдет немного времени, и к морю снова хлынет волна отпускников с путевками и без оных. Каждый курорт, каждое маленькое приморское селение знает, сколько ныне ждать гостей. Мы не станем говорить о том, что в Ялте уже сейчас должны подумать о холодильном хозяйстве, чтобы не выдавать летом тепло-сладкую жижицу за прохладительные напитки; что в Гагре надо подбросить в киоски побольше газет для розничной продажи; что в одесских санаториях водопроводные краны должны исторгать воду, а не сжатый воздух; что на геленджикских пляжах необходимо наконец возвести столь несложные сооружения, как туалеты; что если палатки продырявились, нужно их залатать сейчас; что мухам надо объявить жестокую войну немедленно, пока они еще не стали мухами...

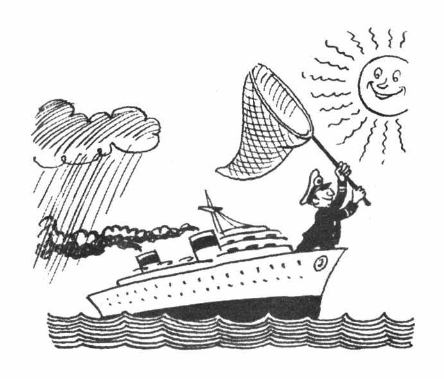
То немногое, что нам удалось высказать на этих страницах, ждет ответа. От кого? К сожалению, курорты — то самое «дитя», у которого «семь нянек». Но среди них есть одна, главная — Министерство здравоохранения. Оно-то и должно ответить в первую очередь.

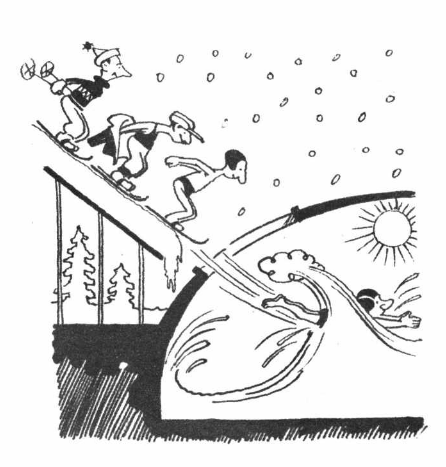
А. КОМАРОВ,
заведующий курортным отделом сочинской газеты «Красное знамя»,

А. КОТОВ,
заведующий курортным отделом ялтинской «Курортной газеты»,

Д. ЛИСТ,
заведующий промышленным отделом одесской газеты «Знамя коммунизма»,

И. МЕСХИ,
собственный корреспондент «Огонька»

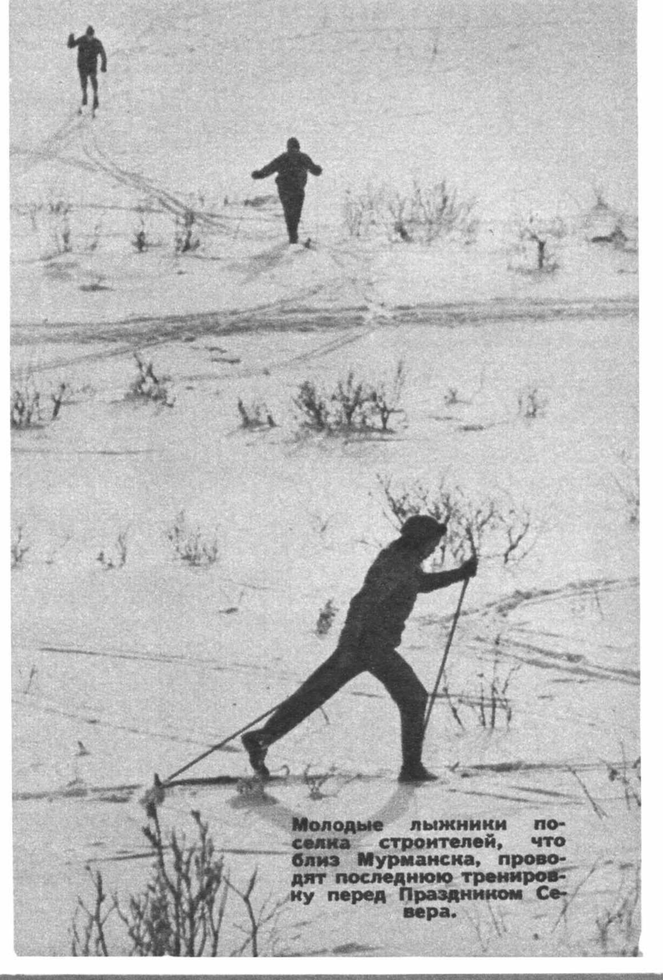

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Спортсменки Кировска будут защищать честь Мурманской области на предстоящем празднике.

Молодые лыжники поселка строителей, что близ Мурманска, проводят последнюю тренировку перед Праздником Севера.

В нашей стране спортивного межсезонья не бывает: футболисты играют в декабре, а хоккеисты летом. И все же весна становится как бы рубежом двух сезонов, когда зимний спортивный огонь притухает, а летний разгорается пламенем.

Вот этот момент и запечатлен на снимках наших корреспондентов, которые побывали на берегах Баренцова и Черного морей.

Существует традиция — провожать зиму. Она выражается в Празднике Севера и проводится ежегодно в последнее воскресенье марта. Так и в этом году: сегодня в Мурманске откроется традиционный праздник, в котором состоятся и бег на лыжах, и состязание на коньках, и гонка в оленьих упряжках.

Праздник Севера давно перестал носить местный характер. Уже в прошлом году на

НА РАЗНЫХ

Нужно уметь управлять оленьей упряжкой, которая мчится с огромной быстротой.

На свежем воздухе, в парке, тренируются воспитанницы сухумской спортивной школы.

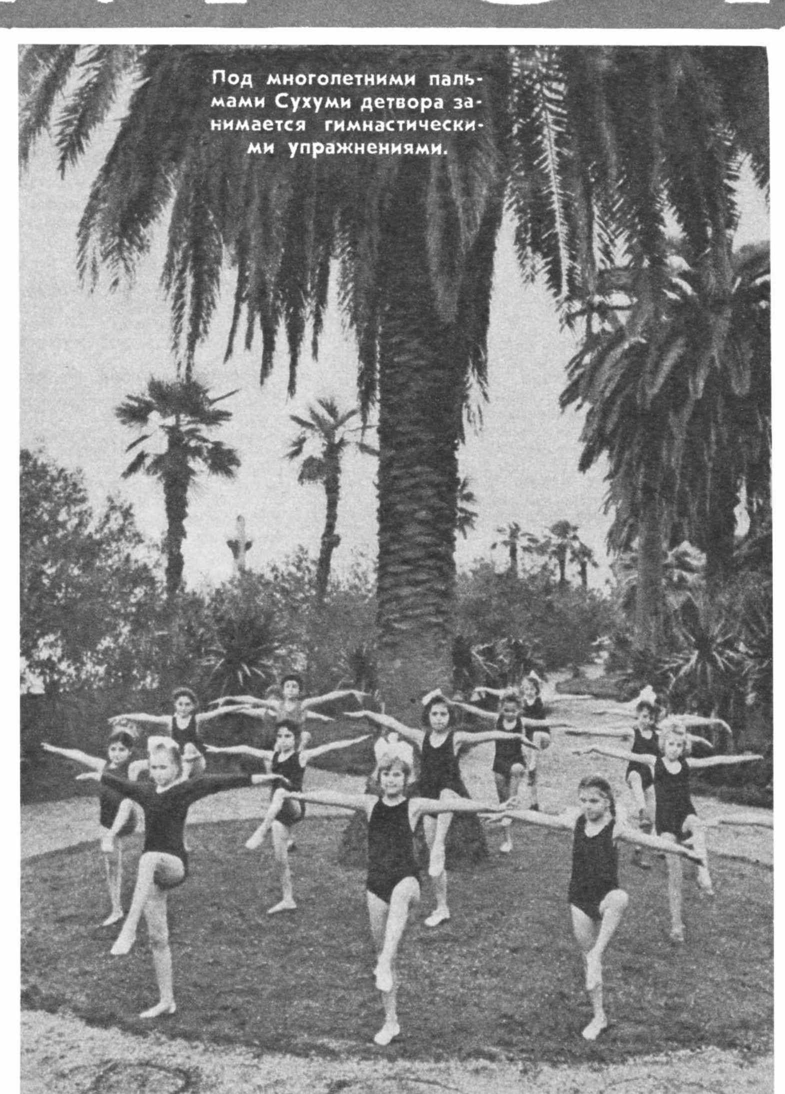
ШИРОТАХ

эти увлекательные состязания съезжались спортсмены Удмуртской, Марийской, Башкирской автономных республик, многих северных областей Российской Федерации. Не меньше гостей ожидается и в этом году.

На юге легкоатлеты пробуют свои силы на беговых дорожках, велосипедисты готовятся к предстоящей традиционной гонке мира, трасса которой, как всегда, пройдет по Польше, Германской Демократической Республике и Чехословакии; футболисты торопятся закончить тренировки, потому что 9 апреля уже официально откроется сезон и нужно будет показывать «футбольный товар лицом».

Оживленно на площадках в Гагре, Сухуми, Батуми и в других городах Закавказья. В Средней Азии летний спортивный сезон уже начался.

Фото Д. УХТОМСКОГО, А. ВОЧИНИНА и С. КОРОТКОВА.

Под многолетними пальмами Сухуми детвора занимается гимнастическими упражнениями.

Велосипедисты одолевают крутые подъемы и резкие повороты в горах.

Фельетон

А. СУКОНЦЕВ,
И. ШАТУНОВСКИЙ

Корысти ради

Надежда Николаевна Литвиненко была в отчаянии:

— Мой Витенька познакомился с девушкой, а теперь его пригласил прокурор. Чего он хочет? Витенька — совсем ребенок.

Прокурор, как выяснилось, хотел узнать, каким образом у «ребенка» Витеньки родился ребенок.

— Господи, — всплеснула руками Надежда Николаевна, — почему именно мой Витенька должен объяснять прокурору, откуда берутся дети?

Но прокурором руководило не праздное любопытство. Он вступился за права девушки, которая в то время еще не достигла совершеннолетия. Великовозрастному Витеньке грозила уголовная статья.

— Что делать! — вздохнула Надежда Николаевна. — Лучше Витенька сходит в загс, чем в суд.

И Виктор Сердюк вскоре зарегистрировал брак с Валентиной. Впрочем, и после этого в его жизни мало что изменилось. Он жил у матери и лишь изредка наезжал к своей семье, на подмосковную станцию Апрелевка.

— Маменька против того, чтобы ты жила у нас, — говорил он жене, — а мне терять московскую прописку не резон.

— А как же быть с нашим Вовой? — спрашивала молодая мать. — Ты же отец, а по документам у него отца нет.

Ни сам Сердюк, ни его маменька надобности в усыновлении ребенка, родившегося «до брака», не видели.

— Усынови, а потом всю жизнь алименты плати. К чему нам такая обуза? Накладно.

Поскольку к этому времени прокуратура прекратила дело против В. Сердюка, ломать комедию дальше не имело смысла. И Виктор развелся с Валентиной. Ни о бывшей жене, ни о ребенке Сердюк и его мама не думали. Их тревожили новые заботы. Витенька заканчивал инструментальный техникум при заводе «Калибр» и, по мнению матери, должен был обязательно остаться в Москве.

Сердюк принялся хлопотать. Он явился в одно конструкторское бюро и предложил свои услуги.

— У меня будет свободное распределение, — сказал он. — Только вы дайте мне бумажку, что я вам нужен.

Такая бумажка была Сердюку выдана. И, тем не менее, комиссия по распределению молодых специалистов предложила ему поехать в Амурскую область.

— Не поеду. У меня в Москве мама. К тому же я боксер первого разряда.

— Вы можете боксировать себе на здоровье и на Дальнем Востоке. А ваша мама пусть живет в Москве. Она работает, у нее муж.

И тут Виктор вспомнил:

— Да, я совсем забыл, я женат, у меня ребенок. Крошечный такой мальчик. Куда же я с ним в такую даль?

Тотчас же Виктор и Надежда Николаевна помчались в Апрелевку. Бывший муж и бывшая свекровь были необычайно ласковы и с Валентиной и с Вовой. Свекровь нежно ворковала с невесткой, а отец усиленно нянчил сынишку.

— Поедем к нам, голубушка. Семья вместе, и душа на месте, — прочувствованно говорила Надежда Николаевна. — Забирай свои вещи да и отправимся. Сядем рядком да поговорим ладком.

Все это Валентина приняла за чистую монету. Молодой женщине и в голову не могло прийти, что Виктору на данном этапе выгодно было считаться семейным человеком. Едва Валентина переехала, Виктор тотчас же побежал в комиссию по распределению молодых специалистов.

— Смотрите, граждане, я теперь человек семейный.

— Как семейный? Вы же развелись, — сказали ему.

— Правильно, развелся. Тогда я ее не любил, а теперь опять люблю.

На следующий день Сердюк пришел в комиссию вместе с Валентиной.

— Вот моя жена. Может быть, вам и сына показать?

— Ну и хорошо, — сказали члены комиссии. — С семьей быстрее обживетесь на новом месте. Квартиру вам дадут.

— Из Москвы ни шагу!

Но комиссия настаивала, и Виктор решил схитрить.

— Ладно, — согласился он наконец, — так и быть, давайте подпишу ваше назначение.

Тем временем отдел кадров конструкторского бюро оформил Сердюка на работу как получившего свободное распределение. Теперь, когда приказ был подписан, надобность значиться женатым миновала, и Виктор, не медля, дал Валентине от ворот поворот:

— Ты же у нас не прописана. Поезжай в Апрелевку. Я тебя опять разлюбил.

О гнусном поведении Сердюка узнали в техникуме. Комитет комсомола постановил исключить его из рядов ВЛКСМ. Тогда Виктор написал заявление: «Прошу снять меня с комсомольского учета».

— Подожди до общего собрания, — сказала секретарь комитета Титова.

Но Сердюку ждать недосуг. Он собственноручно наложил на своем заявлении резолюцию и пошел в райком:

— Снимите с учета. Секретарь комитета не возражает. Вот его подпись.

Сердюка ждут в Амурской области. Комсомольцы техникума собираются обсуждать его поведение на своем собрании. А Сердюк спокойненько работает в конструкторском бюро. Он встал здесь на комсомольский учет и, назвавшись человеком холостым, начал ухаживать за девушкой из соседнего отдела.

И вот в комсомольскую организацию конструкторского бюро обратилась Валентина:

— Пусть Сердюк отдаст мне мой комсомольский билет и учетную карточку.

— Какое ты имеешь право дер-

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ФОТОГРАФИИ

Впечатление живых цветов оставляет эта живописная ваза. Лишь потрогав нежные полупрозрачные лепестки, убедишься, что хризантемы фарфоровые. Замечательные произведения искусства создают китайские мастера, работающие на фабрике художественного фарфора в городе Чаочжоу.

А. Беус, доктор геолого-минералогических наук

Аллею «Непуганых белок и птиц» можно увидеть в подмосковной усадьбе-музее Архангельское. Птицы в ожидании хлебных крошек доверчиво садятся на руки и плечи людей. А когда кто-либо вынет из карманов орехи, тут уж не могут усидеть в дуплах белки. Орехи они грызут прямо на ладони.

М. Булкин

На снимке не «снежный человек», а обезьяна африканский толстотел. Фотоаппарат запечатлел обезьяну в Чикагском зоопарке.

И. Петров

Иностранный юмор

Двое в кафе

— Что говорит тебе жена, когда ты так поздно возвращаешься домой?

— Я не женат.

— А тогда какой тебе смысл поздно возвращаться?

●

Хозяйка: — Почему вы ушли с последнего места?

Служанка: — Потому, что я отказалась купать детей, мадам.

Дети: — Мама, возьми ее!

●

— Наверное, вам очень дорого обходятся уроки музыки для дочери?

— Напротив, это дало мне возможность купить соседний дом за полцены.

●

«Ни один человек не знаменит так, как это ему кажется», — сказал великий певец Карузо... Однажды во время поездки у Карузо сломалась машина, и он был вынужден остановиться у одного фермера. Когда он назвал себя: «Карузо», — фермер вскочил, пожал Карузо руку и сказал: «Мог ли я когда-нибудь подумать, что увижу в своей маленькой кухне великого путешественника Робинзона Карузо!»

●

— Простите, не могу ли я видеть Тома, мальчика-курьера? Я его дядя.

— О, вы его дядя? Мне очень жаль, но вы опоздали. Он только что отпросился на ваши похороны.

Рисунок В. РАЗУМОВСКОГО.

и выгоды для

жать у себя чужие документы? — спросили Сердюка. — Отдай немедленно.

— Я отдам, но попозже. Я должен предъявить их суду. Суд занимается дележом нашего имущества, и я докажу, что длительное время Валентина не работала и все вещи в тот период покупали мы с мамой. В комсомольском билете видно, что она платила по двадцать копеек. А в учетной карточке так прямо и написано: «Временно не работает».

Члены комитета были ошеломлены такой дикостью: чтобы отсудить наволочку и старые калоши, человек хочет приобщить к судебному делу чужие комсомольские документы.

Комсомольцы из конструкторского бюро пошли в суд и явились неожиданными свидетелями странной сцены. Надежда Николаевна и ее сын прибыли туда с узлом в руках. В присутствии судьи они вручали Валентине ее вещи. Причем каждую тряпку отдавали с боем, со скандалом.

— Я отдал ей белье! С нее хватит! — волновался Сердюк.

— Она бедная, — кричала Надежда Николаевна, — мы ей все купили! А она хочет за здорово живешь имущество получить. Мы делали ей подарки как жене. А какая же она теперь Витенькe жена? Значит, и о подарках речи быть не может. С чем пришла, с тем и ушла. И все тут.

— Ну, а почему ты ребенку игрушку не отдаешь? — спросили комсомольцы у Сердюка.

— Пусть суд решает, кто этого коня нажил: она или я?..

— Да пока ты кончишь сутяжничать, ребенок вырастет и конь ему не нужен будет.

— Ладно, пусть берет, — неохотно согласился Сердюк, — только под расписку. Без расписки не дам.

Комсомольцев конструкторского бюро очень возмутил человек с тряпичной душой. И вот они собрались, чтобы поговорить об этом. Члены комитета перед собранием сходили в техникум, где учился Сердюк. Они пригласили к себе секретаря комсомольской организации техникума Титову. Они были и на фабрике, где работает Валентина.

Факт за фактом раскрывается на собрании, и перед комсомольцами предстает мерзкий облик мещанина. Комсомольцы взывают к совести Сердюка, напоминают ему о морали, о долге. А в это время просит слово прибывшая на комсомольское собрание Надежда Николаевна Литвиненко и начинает защищать своего двадцатисемилетнего ребенка.

— Я купила детский коврик, постельное белье, стул детский! — кричала любящая бабушка.— За все это были денежки плачены!..

Но комсомольцы вовсе не хотят считать копейки и тряпки. Не для этого они пришли сюда. Они пытаются выяснить, как же дошел до такой жизни Виктор Сердюк, человек, у которого что ни шаг, то ложь, обман, пакость. Он бил жену, а теперь твердит: сама на дверь наткнулась. Его уличают в подделке комсомольского документа, а он утверждает, что подлог совершил не он, а чуть ли не секретарь райкома.

Сердюку говорят о долге молодого специалиста, о долге гражданина, советского человека. А для него все эти понятия — звук пустой.

— Я ей должен был отдать ее платье, — говорит он, — я его отдал. А больше я никому ничего не должен!..

Комсомольское собрание единогласно исключило В. Сердюка из комсомола и приняло решение: просить редакцию рассказать об этом человеке, который все делает только ради личной корысти и для собственной выгоды.

Выполняя просьбу хорошего, дружного коллектива, мы написали этот фельетон.

Рисунок Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Русский поэт. 7. Мастерская живописца, скульптора. 8. Советский дирижер. 9. Почва степных пространств. 12. Принадлежность рыболовной снасти. 14. Сотрудник газеты. 16. Равенство. 17. Млекопитающее семейства дельфиновых. 18. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 19. Воображение. 20. Часть педагогики. 22. Группа, разряд. 24. Азербайджанский певец, народный артист СССР. 26. Выемка для оснований сооружений. 27. Учительница в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». 28. Спортивное гребное судно. 29. Река, впадающая в Северное море. 30. Сольный эпизод в опере. 31. Работница медицинского учреждения.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Золотая рыбка. 2. Место или предмет, заслуживающие особого внимания. 3. Название травянистых растений с яркими цветами. 5. Опора для устройства крыши. 6. Картина В. М. Васнецова. 10. Специалист, изучающий древние организмы. 11. Журнал, основанный А. С. Пушкиным. 12. Восторженная похвала. 13. Небольшой плот, распространенный на азиатском побережье Индийского океана. 14. Астрономический инструмент. 15. Название пастбищной травы в Средней Азии. 21. Углеводород, применяемый для сварки и резки металлов. 23. Жизнерадостность. 24. Костюмированный бал. 25. Металлургическая печь.

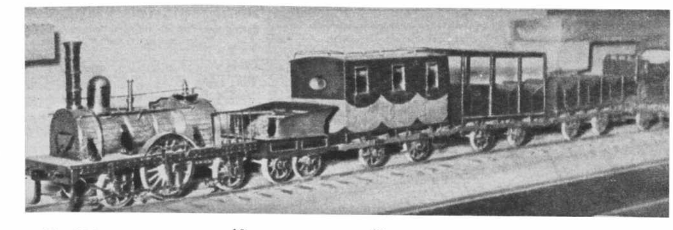
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

5. Находка. 7. Корд. 8. Холл. 9. Иравади. 10. Басня. 13. Ребус. 18. Аргус. 19. Сарьян. 20. Тиокол. 21. Груша. 22. Бабка. 25. Айбек. 27. Биатлон. 28. Юрта. 29. Таль. 30. Коллега.

По вертикали:

1. Индия. 2. Почвоуглубитель. 3. Тахир. 4. Кокс. 6. «Хлеб». 11. Алканна. 12. Нальчик. 14. Европий. 15. Условие. 16. Танго. 17. Устав. 23. «Буря». 24. Абака. 25. «Антар». 26. Бали.

СТАРЕЙШИЙ ВОКЗАЛ

Витебский вокзал в Ленинграде — старейший в стране. В 1837 году здесь было открыто движение. Первые поезда состояли из паровоза, тендера с дровами и водой и десятка вагонов, напоминавших по внешнему виду разнообразные экипажи: кареты, дилижансы, шарабаны, линейки. И назывались они так же: ведь слово «вагон» вошло в обиход позднее, да и то сначала для обозначения только грузовых вагонов. На паровозах были устроены особые музыкальные сооружения из одиннадцати труб и одного тромбона, оповещавшие публику о прибытии поезда. Ручку такого «органа» крутил специальный служащий. Плата за проезд была высокая, железнодорожные билеты изготовлялись из латунных пластинок. Наиболее состоятельные могли ехать сидя в собственном экипаже, который ставили на открытую платформу.

Петербургская газета так описывала поездку в Царское Село в 1837 году: «Туда ехали мы с умеренной скоростью 21 версту в 32 минуты, но оттуда в 22 минуты: почти по версте в минуту, то есть по 60 верст в час. 60 верст в час: страшно подумать! Между тем вы сидите спокойно, вы не замечаете этой быстроты, ужасающей воображение, только ветер свистит, только конь пышет огненной пеною, оставляя за собой белое облако пара...»

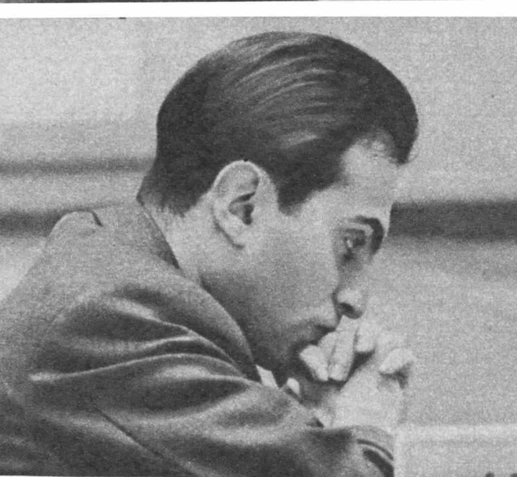
Первое здание вокзала было деревянное. Каменное здание построили в 1849—1852 годы. В начале XX века оно приобрело тот облик, который мы видим сегодня.

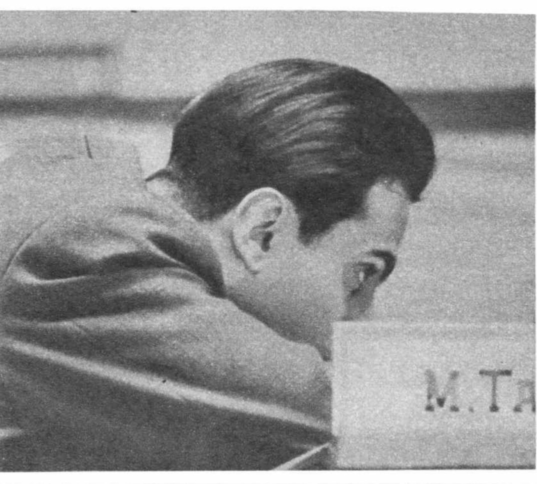
А. РЫСКИН

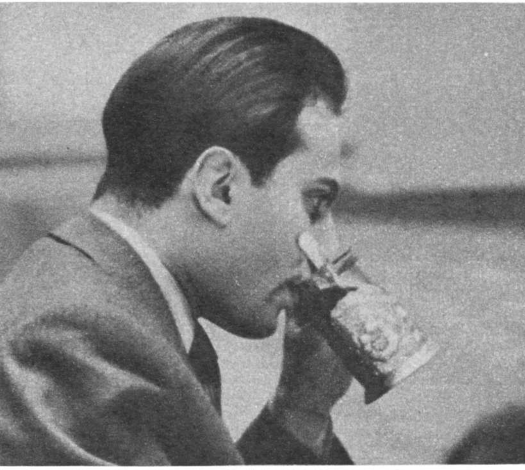
Латунные билеты

Посмотрите, как меняется выражение лица у претендента зависимо от хода партии! Вот «шахматная ракета» задумалась; затем пришло время тщательно подсчитать варианты; надо спастись во что бы то ни стало — ведь за спиной «вся Рига»; по опыту Ботвинника не мешает подкрепиться стаканом чая с лимоном.

РАЗМИНКА

Сало ФЛОР   Фото Е. УМНОВА.

Позади только первая декада двухмесячной дистанции. Позади увертюра матча, небольшая разведка. По-прежнему нелегко, даже невозможно делать прогнозы. А любители шахмат нетерпеливы: ждут прогнозов.

Очевидцу матча мало, что ему посчастливилось достать билет,— он «ловит» в пресс-бюро, около гардероба или вестибюля кого-нибудь из гроссмейстеров (это нетрудно: они на каждом шагу), чтобы спросить: «Что вы думаете о позиции, что будет дальше?»

Я отвечаю:

— У Ботвинника лучше...

— Почему? — начинает спорить со мною неизвестный болельщик.

Мне все понятно. Мой ответ его не устраивает: я встретился с поклонником М. Таля.

Больше всех беспокоят Тиграна Петросяна. С его авторитетной оценкой позиции считаются все гроссмейстеры.

Дорогие болельщики, почему нужно обязательно наводить справки у гроссмейстеров? Смотрите на позицию, на выражение лиц Ботвинника и Таля (это очень важно), на их походку. Вы разве еще не заметили, что, когда Ботвинник спокойно поправляет галстук, у него хорошая позиция? Если же он нервно дергает галстук, то дела становятся хуже. Вы заметили, что Таль во второй части первой партии кружился вокруг доски, как коршун? Это значит, что он атакует или уже поставил ловушку!

Во второй партии Таль после 20 ходов предложил ничью.

— Делайте ход! — ответил Ботвинник.

Преимущество чемпиона мира было микроскопическим, но это как раз то, что он любит. Преимущество заключалось и в том, что позиция была спокойной и Таль не мог «танцевать», «колдовать», «гипнотизировать». Но поклонники Таля были уверены, что претендент вырвется из «железных тисков» чемпиона мира. Так и случилось: поскольку Ботвинник два-три раза сыграл не лучшим образом, партия окончилась ничьей.

Таль во время подготовки к матчу искал новые пути борьбы с защитой Каро-Канн. В третьей партии уже на пятом ходу он удивил всех, в том числе и Ботвинника, новым ходом. Но новинка Таля не произвела впечатления. Защита Каро-Канн устояла. Уже после 10—12 ходов стало ясно, что эту новинку Таля (а может быть, его секунданта А. Кобленца?) следует считать не первосортной.

Стратег Ботвинник по всем правилам переиграл Таля и опроверг его новинку. Но в заключительной части партии Таль проявил свой тактический талант, и Ботвинник не сумел использовать своего превосходства.

Хотя в позиции было «мало жизни», «рижский волшебник» (один из десяти титулов Таля) все же добрался к королю черных. Заключительные минуты, а точнее сказать, секунды, предельно волновали зрительный зал.

В этой партии после 22 ходов у Таля было больше израсходованного времени, чем у Ботвинника (доказательство тому — тяжелая позиция Таля), но к концу чемпион мира попал в такой жестокий цейтнот, что на 33-м ходу на электрических часах зажглась красная лампочка. Это—предупреждение: осталось 60 секунд! Попробуйте сделать 7 ходов с такой «ракетой», как Таль, за 60 секунд!

Таль думал несколько минут. «Сейчас «маленький Миша» придумает какую-нибудь дьявольщину или «тальовщину», и у Ботвинника упадет флажок»,— предсказывали некоторые зрители, затаив дыхание. Но претендент форсировал ничью вечным шахом.

Наш гость экс-чемпион мира доктор М. Эйве выступал в качестве лектора в Академии наук. После лекции Эйве осмотрел машинный зал. Одна из этих очень умных машин исполнила... голландский гимн. Эйве был весьма тронут.

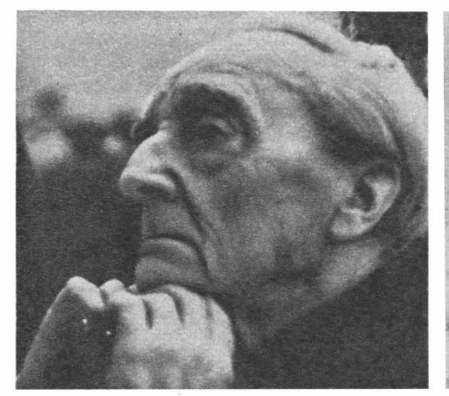
На вопрос: «Имеет ли победа в первой партии решающее значение?» — Эйве ответил, что «всегда приятнее выиграть, чем проиграть. Но одна партия не решает. В 1935 году в матче с А. Алехиным я первую партию проиграл, а матч выиграл. В матч-реванше я первую партию выиграл, а матч с треском проиграл...»

Матч начался. Четыре партии — это еще разминка, но сейчас борьба разгорается.

Тысячи глаз скрещиваются на сцене,

БОТВИН

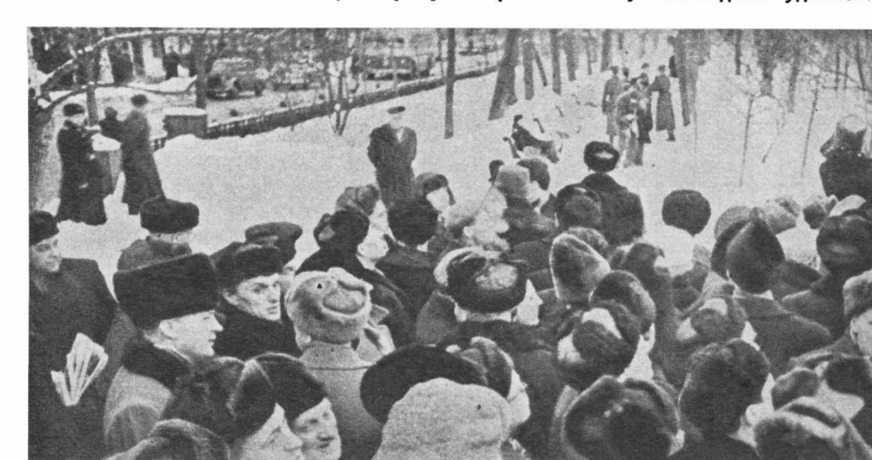
Человек в возрасте «болеет» за старшего.

Мальчик, естественно, «болеет» за молодого.

Один готов рассматривать каждый ход в микроскоп, а другому показалось даже скучно.

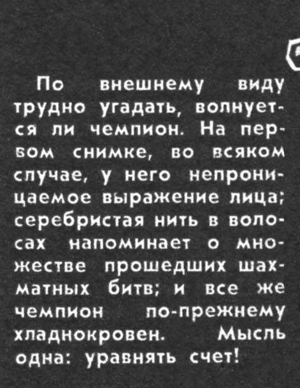
«Болеть» на бульваре у театра имени Пушкина даже удобней:

...где происходит священнодействие...

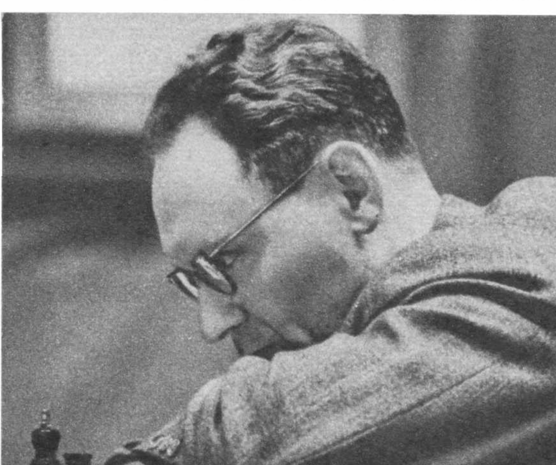
...НИК — ТАЛЬ

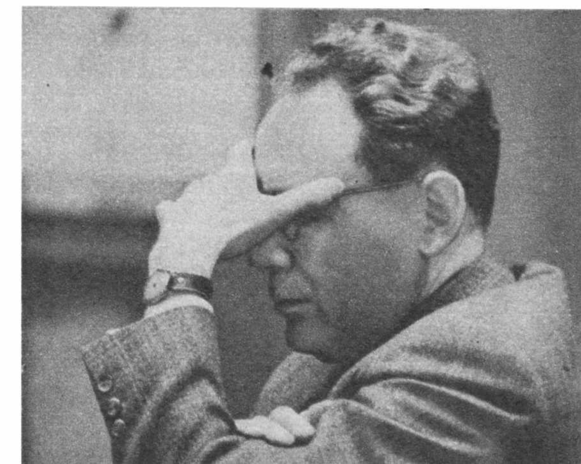

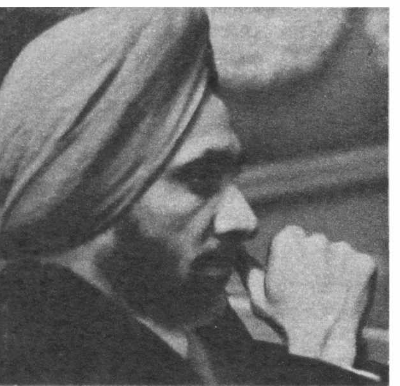
По внешнему виду трудно угадать, волнуется ли чемпион. На первом снимке, во всяком случае, у него непроницаемое выражение лица; серебристая нить в волосах напоминает о множестве прошедших шахматных битв; и все же чемпион по-прежнему хладнокровен. Мысль одна: уравнять счет!

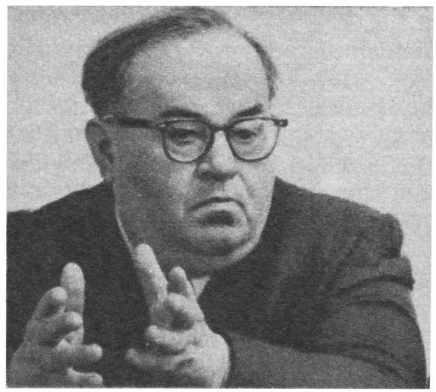

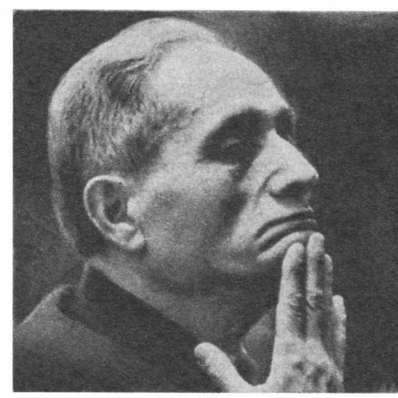

Возможно, в честь шахматиста из Индии Таль избрал индийскую защиту.

Дирижер Ю. Файер хотел бы и здесь дирижировать, но Ботвинник не слушается...

Сложная, однако, ситуация...

Гроссмейстеры «на каждом шагу»... А. Котов и М. Эйве что-то доказывают друг другу.

Их девиз: догнать мужчин в области шахматного искусства.

...можно реагировать на каждый ход, поспорить с соседом, «поправить» Ботвинника или Таля.

КОТ и ТИГР

Рисунок И. Ушакова.

Назым ХИКМЕТ

А знаете вы, друзья, или нет, что Кот и Тигр — родственники? Кот приходится Тигру дядей.

В один прекрасный день (если я скажу: во вторник,— вы спросите, почему именно во вторник, почему не в среду; но если я скажу: в среду,— вы спросите, почему не в четверг; вот я и говорю: «в один прекрасный день»), так вот, значит, в один прекрасный день встретил Тигр своего родного дядю Кота.

— Бедный мой дядюшка,— сказал Тигр,— отчего это ты такой маленький-маленький?

— Если бы ты, как я, попал в руки людей, понял бы тогда, отчего да почему,— отвечает Кот.

— Вот оно что! — удивился Тигр.— А не можешь ли ты мне этих самых людей показать?

— Могу, чего же? Пошли со мной!

Идут дядя с племянником, навстречу им стадо волов. Подходят. Тигр и спрашивает Кота:

— Это не те ли, кого ты людьми называешь?

Ухмыльнулся Кот:

— Самый маленький из людей, мальчишка-пастушонок, пасет целое стадо таких огромных волов. И гонит он их перед собой куда захочет.

Дальше идут дядя с племянником, навстречу им табун лошадей. Подходят. Тигр и спрашивает Кота:

— Это не те ли, кого ты людьми называешь?

Засмеялся Кот:

— Глупый ты мой племянник! Люди садятся верхом на этих лошадей и ездят по всему свету куда надо.

Дальше идут дядя с племянником, навстречу им караван верблюдов.

— Вот они, люди! — кричит Тигр.

Расхохотался Кот:

— Опять не они, опять обознался ты, племянник. Один, только один из людей связывает всех этих огромных, неуклюжих верблюдов, потом садится на осла и ведет их за собой куда вздумает.

ПРОСТО ТАК

Г. ЦЫФЕРОВ

ЗЕБРА

Обмоталась зебра черной лентой и принялась всех донимать:

— Ну, отгадайте, какая я: черная или белая? Белая или черная?

ЖУРАВЛИК

Встал журавлик на одну ножку и позабыл, что у него есть вторая. Так и стоял, пока не вспомнил. Долго-долго.

КОШКИНЫ ГЛАЗА

Вылез ночью из норы мышонок звезды посмотреть. Посмотрел и испугался. Будто кошкины глаза.

Весенний дождь

А. ГОВОРОВ

Весенний дождь —
желанный гость,
с грозой
и перегудом.
Горошин горсть
посей под дождь,
а вырастет
полпуда.

Летите к нам

З. АЛЕКСАНДРОВА

На белой елке по утрам
Чириканье и пенье.
Там красногрудым снегирям
Готово угощенье.
Озябшим дятлам и клестам
Обед зимою нужен.
— Так поскорей летите
к нам!
Мы всех накормим в стужу.

Синичьи песенки звенят
У столика в лощинке,
Как будто кто-то сыплет
в сад
Серебряные льдинки.
И воробьям-озорникам
И всем, кто с нами дружен,
Мы говорим:
— Летите к нам!
Мы всех накормим в стужу.

Дальше идут дядя и племянник.

Мало ли ходили, много ли ходили, по горам ходили, по долам ходили, дошли наконец до вершины какой-то высокой горы. На вершине той лес был. В лесу том Дровосек рубил дерево. Рукава засучены, лоб потом покрылся.

— Вот он, один из людей, Человек,— говорит Кот.

Удивился Тигр: Человек, а такой неказистый. Кот познакомил Тигра с Дровосеком, рассказал Дровосеку, почему Тигр хотел повидать кого-нибудь из людей.

Говорит Дровосек:

— Добро пожаловать, братец Тигр, ты радость с собой принес. Раз уж ты дошел до здешних мест, помоги-ка мне, что тебе стоит!

Возгордился Тигр: сам Человек просит его помочь! Подмигнул Тигр своему дяде Коту: гляди, мол, хваленый твой Человек меня помочь просит.

— Хорошо,— сказал Тигр Дровосеку,— чем же тебе помочь?

— Что тебе стоит, расколи-ка своими лапами это бревно! Я его бил-бил-колотил, немного расщепил, а ты совсем расколи. Моих сил не хватает.

Снова подмигнул Тигр своему дяде Коту.

Чтобы силу свою показать, запустил Тигр свои лапы в расщелину.

Дровосек тут как тут: мигом клин из расщелины выхватил. Лапы Тигра и остались зажатыми в бревне.

Подходит Дровосек к Тигру, садится перед ним, сложив ноги крест-накрест, трубку закуривает.

Тигр не сразу понял, что случилось. Только очень ему стало больно. Хотелось вовсю реветь и выть, но, чтобы не показать, что ему больно, не подает он голоса.

Дядя Кот взобрался тем временем на верхушку сосны и оттуда глядел на своего племянника, усмехаясь и подкручивая свои усы. Увидев такое, не вытерпел Тигр, поднял голову вверх и спрашивает:

— Ох, дядюшка, как ты думаешь, неужели этот Человек не отпустит меня, покуда я не стану такой же маленький, как ты?

— Это знает один только аллах,— отвечает Кот.— Мяу!

Говорят, с этого-то самого дня и стал мяукать Кот, дядя Тигра.

Перевел с турецкого
А. ТВЕРСКОЙ.

НА ВОДЕ И ПОД ВОДОЙ

М. Ушац, К. Невлер

Пароход наш из ушата,
Пассажиры — лягушата,
Капитан — дядя Сом
За штурвальным колесом.

— Караул! — кричит
сверчок.—
Кит попался на крючок!!

Щука в отпуск уходила,
Кран неплотно завинтила,
И теперь полны пруды
Газированной воды.

Хозяйничать улитке
На кухне нелегко:
Пока дошла до плитки,
Сбежало молоко...

Рыбка-мама все вздыхает:
— Ох, белье не высыхает!..

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00265. Подписано к печати 23/III 1960 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 435. Заказ № 706.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 3 руб.